

КЛИМ РУДНЕВ

АРЕНА
ВРЕМЕНИ

Клим Руднев

**Арена времени - 1.
Извлечение силы**

«Автор»

2026

Руднев К.

Арена времени - 1. Извлечение силы / К. Руднев — «Автор»,
2026

Отряд наемников под командованием Дариана Кейна по прозвищу Ястреб попадает в мир, где идет бесконечная война. Правила здесь просты: побеждай, становись сильнее или умри. Создатели этого мира обещают выжившим могущество, почти равное божественному. Вот только что-то тут не сходится... Если отряд хочет выжить, им придется принять правила Арены и победить.

© Руднев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Призрак в джунглях	5
Глава 2. Аномалия среди руин	9
Глава 3. Храм-испытание	12
Глава 4. Приказ с помехами	16
Глава 5. Бесконечная кузница: Отливки	22
Глава 6. Пробуждение в аду	29
Глава 7. Ржавчина и магия	36
Глава 8. Тактика выживания	43
Глава 9. Встреча с Элиной	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Клим Руднев

Арена времени - 1. Извлечение силы

Глава 1. Призрак в джунглях

Дождь здесь возникал из самого густого, пропитанного гнилью воздуха, конденсировался на листьях размером с блюдо и стекал вниз непрерывными холодными потоками, которые казались не водой, а потом планеты. Джунгли Сигмы-Вторис дышали. В воздухе витал терпкий, сладковато-приторный запах цветущей плоти огромных лиан-«кровососов», смешанный с озоном от далеких разрядов в грозовых тучах, нависших над пологом. В джунглях было очень тихо, в этой тишине раздавались размеренные механические щелчки.

Щелчок. Пауза. Щелчок.

Дариан «Ястреб» Кейн прижал палец в массивной перчатке к миниатюрному переключателю на горле своего шлема, заглушая внешние шумы до фонового гула. В его ушах, в стерильной тишине бронированной капсулы, остался только чистый, кристальный звук метронома, отбивающего последние минуты и секунды перед бурей.

Он лежал в грязи, и не чувствовал ни холода, ни дискомфорта. Сенсоры костюма показывали стабильную температуру тела, уровень адреналина — в зеленой зоне, чуть выше нормы, идеально для пиковой концентрации. Его мир сузился до трех вещей: тактического дисплея на визоре, проецирующего полупрозрачные зеленые значки его отряда на фоне гниющих стволов; гипнотизирующего звука метронома; и неподвижной цели в трехстах метрах впереди — наблюдательного поста повстанцев, замаскированного под гниющий ствол гигантского папоротника-исполина. На тепловизоре постройка светилась тусклым, болезненным пятном, как нарыв на теле джунглей, готовый вот-вот прорваться.

— «Титан», статус, — голос Дариана был спокоен, но за этим спокойствием чувствовалось напряжение.

Значки на дисплее ожили, замигали в ответ, передавая короткие, лаконичные пакеты данных. Каждый сигнал был подтверждением жизни, готовности, частицей единого организма.

— Призрак на позиции. Восточный сектор. Два патруля, схема движения примитивна и предсказуема. Интервал — четыре минуты двадцать секунд. Следующий проход через тридцать секунд. У вас окно. — Марко говорил почти шепотом, хотя мощные скремблеры и глушители на их оборудовании делали перехват радиопереговоров в этой части галактики невозможным. Это была привычка. Привычка призрака, для которого тишина — лучший союзник, а слово, произнесенное вслух, — уже риск. Его слова были кратки и точны, как траектория его пуль, вычерчивающих судьбу на расстоянии в километр.

— Шум подтверждает. Западный периметр чист. Три теплых следа у основания дерева-столба, еще два внутри. Биоритмы замедлены. Спят или притворяются. Рекомендую игнорировать внешних, брать по факту входа. — Голос Риты, их радистки и «уха» отряда, был спокоен, но в нем чувствовалось легкое, едва уловимое напряжение от вовлеченности в задание. Она всегда слышала чуть больше, чем нужно, — не только радиоперехваты, но и фоновый шепот джунглей, скрип металла, сдавленное дыхание за стеной. Сейчас, вероятно, ее слух был погружен в этот хаос звуков, выискивая в нем фальшивую ноту, скрытую угрозу.

— Сапер у ворот. Взрывчатка установлена на магнитных замках и центральной балке. Электромагнитные защелки будут отключены по вашему сигналу. Кинетический заряд настроен на импловивный эффект. Жертвуем шумом в пользу гарантии, — слова Тима имели вес, как подписанный инженерный расчет, не терпящий вопросов. Он говорил о разрушении с холодной точностью архитектора.

— Лиса в тылу. Коммуникационный узел идентифицирован — имперский ретранслятор старой модели, модифицированный. Генератор помех готов к полному спектру подавления. Вижу следы поспешной эвакуации данных... Они не ждали нас так скоро. — Лана, их специалист по контактам, переговорам и, когда это требовалось, тонкому социальному инжинирингу, закончила отчет. Ее позывной был выбран не случайно — она уже обошла пост по периметру, как тень, оценивая не только укрепления, но и следы быта, обрывки разговоров, улавливая социальный «запах» противника. В ее голосе слышался легкий, аналитический интерес, почти любопытство хищника, изучающего повадки жертвы.

— Док на резерве. Аптечка развернута, скальпели стерильны. Готов к работе. — Последним отозвался Макс, их медик. Его голос был самым спокойным, почти умиротворяющим, контрастируя с металлическими тембрами остальных. Он был их моральным якорем и тихой гарантией того, что после неизбежного насилия кто-то останется в живых, чтобы зашить раны, вколоть обезболивающее, вернуть их из царства смерти обратно в строй. Он находился чуть поодаль, в безопасной точке, но в полной, сосредоточенной готовности, уже мысленно составляя список возможных травм.

Дариан не ответил. Ответом был очередной, финальный щелчок метронома, после которого в наушниках воцарилась абсолютная, давящая тишина. Его люди затаились в боевой готовности. Они были «Титаном». Отрядом наемников. Элитным. Самым лучшим. Отрядом, в котором каждый четко знал свою функцию и выполнял ее безупречно.

Метроном щелкнул в последний раз и замолк. На дисплее отсчет остановился на нуле. Мир замер в ожидании.

— Лиса, вперед, — произнес Дариан, и его слова, холодные и отточенные, прозвучали в эфире как падение гильотины, перерубающей последнюю нить неопределенности.

В его ушах раздался легкий, едва уловимый писк — предварительный сигнал Ланы. Затем — тишина. Но Дариан знал, что в этот миг невидимая, всепоглощающая волна электронного подавления накрыла пост и окрестности, как черная лава. Для повстанцев в радиусе километра мир внезапно онемел и ослеп. Рации захлебнулись белым шумом, датчики ослепли, мониторы погасли, оставив их в изоляционной камере собственного страха.

— Сапер, открывай.

— Есть.

Тишину джунглей разорвал грохот взрыва. Взрывчатка Тима не была предназначена для огня и дыма, для зрелищности. Это был высокотехнологичный кинетический заряд, который фокусировал всю энергию внутрь, превращая разрушение в акт хирургической точности. Массивные ворота из сплава и титанового дерева не разлетелись на куски, не осыпали окрестности смертоносным дождем. Они просто... схлопнулись. Превратились в спрессованную, исковерканную лепешку, вывернутую внутрь постройки с силой, ломающей молекулярные связи. Так звучали ломающиеся кости на уровне архитектуры, последний вздох обороны.

— Шум, следи за входом. Призрак, прикрывай. Лиса, со мной. Вперед.

Дариан поднялся из грязи одним плавным, мощным движением. Его двухметровая фигура в угольно-черной, матовой броне, испещренной царапинами — немymi свидетельствами прошлых бурь, — казалась ожившим кошмаром, вылезшим из самых темных глубин джунглей, порождением самой этой сырой, беспощадной планеты. Он двинулся вперед быстрым, неотвратимым шагом профессионального киллера, стремительно, но эргономично, каждый шаг — устойчивая платформа для выстрела.

Зачистка первого этажа прошла с бездушной, пугающей эффективностью, похожей на работу смертоносного механизма. Выстрелы Лисы из компактного, но жутко скорострельного пулемета «Шквал» были методичны и смертоносны — короткие, приглушенные очереди, укладывающие тела в углы, у проемов, не оставляя шанса на ответный огонь. Выстрелы Марко с высоты, доносившиеся как эхо совести повстанцев, обрывали любую попытку организован-

ного сопротивления, любого, кто пытался поднять голову или броситься к пулеметному гнезду. Дариан, словно неумолимый жнец, прошел через основное помещение, его дробовик в тесном, наполненном дымом пространстве, не оставлял врагам и шанса. Дариан даже не целился. Вскоре в джунглях снова воцарилась тишина, нарушаемая только треском пожаров в электронике, шипением коротких замыканий и прерывистыми, хриплыми стонами, которые скоро должны были умолкнуть.

На антресоль, служившую командным пунктом, вела хлипкая лестница из титанового дерева. Дариан поднялся по ней, ступени слегка прогибались под его весом, но выдерживали. Наверху, среди дыма и искр сгоревшей аппаратуры, его уже ждала Лана. Она стояла у центрального сервера, ее пальцы в тонких сенсорных перчатках летали по интерфейсу портативного взломщика, отражаясь в стекле ее легкого тактического визора. Ее броня была тоньше, мобильнее, предназначена для скорости, а не защиты при лобовом ударе.

— Ключи шифрования геотермального управления получены и переданы заказчику, — доложила она, не отрываясь от экрана. — Система дистанционного отключения диверсионных зарядов активирована. Но... — Она на мгновение замолчала, и Дариан почувствовал легкое напряжение в ее позе. — Система аварийных, физических блокировок на объекте все еще активна. Их нельзя отключить по сети. Только физический разрыв цепи на месте, в машинном зале. Или аппаратный ключ-идентификатор высшего уровня приоритета. Где-то здесь должен быть командир поста. Без него нам придется лететь туда и делать все вручную, под огнем.

— Ястреб, это Призрак. У вас на вышке есть еще одна тепловая подпись. Слабый, но стабильный сигнал. Прямо за Лисой. В нише, за шторой из брезента. Не двигается. Биоритмы... учащены. Страх, но не готовность к бою, — сухо сообщил по связи Марко.

Дариан плавно, почти незаметно развернулся. Его визор выделил контур фигуры за тканью.

— Выходи. Руки на голову, медленно. Последнее предупреждение.

Занавеска из грубого брезента дрогнула, отодвинулась. Из ниши, пошатываясь, словно пьяный или тяжело раненый, вышел человек. Он был в поношенной, но когда-то качественной форме офицера Имперской колониальной стражи, теперь испачканной сажей и грязью. В одной дрожащей руке он держал стандартный служебный пистолет, прижатый дулом к собственному виску так, что кожа вокруг вдавленного металла побелела. В другой, судорожно сжатой, — небольшой черный чип-ключ с мигающим тревожным красным светодиодом, похожим на застывшую каплю черной крови.

— Стой! Не подходи! — его голос сорвался на хриплый, сдавленный крик, в котором смешались отчаяние и истеричная бравада. — Видите это? Это не просто ключ! Он связан с моим жизненным показателем! Кардиомонитор, имплант! Если мое сердце остановится — если пульс упадет до нуля — система получит немедленную команду на детонацию всех диверсионных зарядов! Вы все умрете здесь! И весь геотермальный сектор, тысячи людей, погрузятся в хаос и темноту! Вы слышите?!

Капитан Элиас Верн. Предатель. Загнанная в угол крыса. Дариан видел в его широко раскрытых, влажных глазах не фанатизм мученика, а панический, животный расчет выживания. Это был не воин идеи, а перебежчик, мелкий игрок, заигравшийся не в ту игру и теперь пытающийся выторговать себе жизнь, прикрываясь жизнями других.

— Вы сдали объект повстанцам. Предали свою страну. Бросьте, Верн, вы слишком любите себя и свою жизнь, чтобы умереть. Наши наниматели желают вернуть контроль над этим местом. Так что не глупите и будете жить.

— Если я отдам вам ключ я все равно труп, — выкрикнул предатель. Ваши наниматели — корпорация, она выкачивает из этого мира все соки, как из лимона! Ресурсы, людей, жизни! Я... я хотел перемен! Я думал, мы сможем договориться с повстанцами, найти компромисс,

остановить бессмысленное кровопролитие! А они... они превратили все в бойню! В террор! Я не для этого... я не хотел этого!

— А чего вы хотели? Счастья для всех? Не надо нести чушь и представляться альтруистом и благодетелем. Алчность и жажда власти — вот что вами движет — холодно парировал Дариан, делая микрошаг вперед. Его броня скрипнула. — Отдайте ключ. Сейчас. Это ваш первый, последний и единственный шанс избежать худшего.

— Нет! — завопил Верн, прижимая пистолет так сильно, что его голова отклонилась вбок. — Сначала гарантии! Обещайте мне безопасный выход! Автомобиль, иммунитет, защиту! И тогда... тогда, может быть, я!..

Дариан вздохнул. Не от усталости, раздражения или сомнения. Это был сигнал. Ясный и недвусмысленный, как тот самый щелчок метронома.

Щелчок высоко на дереве снаружи, за проломом, был едва слышен даже в наступившей тишине — звук перезарядки снайперской винтовки Марко, «Шепота Призрака», работающего на замкнутых пневматических системах. Звук, который раздался в следующее мгновение, был знаком Дариану — глухой, точный, влажный чпок, будто лопнул пузырь жевательной резинки.

Пистолет выпал из внезапно ослабевшей, безжизненной руки Верна. Пуля Марко, выпущенная с ювелирной точностью, насквозь пробила ему запястье, идеально разрушив кость, сухожилия и нервные узлы, но не задев артерию. Мгновенная, шоковая блокада. Прежде чем в мозг предателя ударила волна ослепляющей боли, Дариан был уже рядом. Его левая рука в бронированной перчатке выбила чип из непослушных, дергающихся пальцев, поймав его на лету. Правая, сложившись в кулак, нанесла короткий, сокрушительный, как удар молота, апперкот в солнечное сплетение. Воздух с хриплым, животным стоном вырвался из легких майора, и он рухнул на колени, давясь беззвучным, судорожным кашлем, захлебываясь слюной и слезами.

Дариан даже не взглянул на него. Он поднял чип к визору, сканируя его. Данные подтвердились — ключ доступа высшего уровня.

— Лиса. Начинай финальную стадию скачивания всего, что не сгорело. Док, подойди, посмотри на него. Он может понадобиться для отчета или допроса. Останови кровь.

— Уже в пути, — спокойно, как будто речь шла о плановом осмотре, отозвался Макс. В наушниках послышались его размеренные шаги.

Дариан подошел к огромному пролому в стене, глядя на дымящиеся, искалеченные руины поста, на тела, усеявшие грязный пол. Задача была выполнена. «Кузница» спасена от диверсии, ключ получен, угроза нейтрализована. Операция прошла безупречно, с той самой хирургической точностью, которой славился «Титан».

Но холодное, знакомое, назойливое предчувствие — тот самый тихий Дар, о котором не знало даже высшее командование, — уже шевелилось где-то на задворках его сознания, как червь в спелом плоде. Эта легкость, эта безупречность... Она казалась слишком простой, слишком... подстроенной. Как будто кто-то специально подставил этого жалкого, сломленного капитана и его драгоценный ключ, чтобы «Титан» сделал именно то, что от него ждали. Чтобы они, как идеальный инструмент, выполнили задачу и почувствовали себя непобедимым скальпелем в руках хирурга.

Дариан смотрел на клубящийся за проломом туман, в котором уже начинали проступать контуры гигантских деревьев. Не будь даже его лицо скрыто за визором, никто бы не увидел на нем и намека на эмоцию. Но внутри зрела тихая холодная мысль.

А что, если хирург режет не для исцеления? Что, если каждый его безупречный разрез — это всего лишь штрих в чужом, куда более масштабном и куда более страшном рисунке?

Он отогнал эти мысли. Сейчас нужно было завершать работу. Но семя сомнения, крошечное и ядовитое, уже было посажено. И оно ждало своего часа, чтобы прорасти в самом неподходящем месте.

Глава 2. Аномалия среди руин

Тишину после боя нарушало лишь шипение дождя и методичное, хриплое бормотание Дока, склонившегося над раненым капитаном Верном. Макс ввел седатив быстрым точным движением, взгляд его за забралом был пристальным, анализирующим не только рану, но и самого пленного. Чип-ключ лежал в отсеке на поясе Дариана. Миссия выполнена.

— Шум, мониторинг эфира. Сапер, минируй подходы. Лиса, готовь передачу данных, Призрак, на тебе периметр, сектора Альфа и Бета, Возьми с собой Тарана.

К отряду присоединился еще один боец. Илья с позывным «Таран». здоровенный парень, носящий с собой тяжелый пулемет. Главная ударная сила отряда. Кейн не использовал его в зачистке базы, оставив в резерве на случай непредвиденных ситуаций.

Призрак и Таран кивнули и направились исполнять приказ.

— Остальные, отдых пять минут, затем выдвигаемся к цели, — отдал распоряжение Дариан.

Он спустился с возвышения.

— Ястреб, — голос Ильи прозвучал в приватном канале. В его ровном, басовитом тоне было недоумение. — Что-то не так.

Дариан замер. «Не так» от Тарана было серьезнее любой тревоги Призрака.

— Говори.

— Трупов меньше. По сканам было семь. Я насчитал пять. Двое пропали. Они не могли уйти. Но их нет.

Дариан переключил визор в режим ретроспективы. Два тепловых силуэта у левой стены просто растворились. Холодная игла кольнула под ребрами.

— Призрак, подтверди: выходы в твоём секторе?

— Отрицательно, — ответил снайпер ровно, но Дариан заметил тень сомнения. — Никто не выходил. Это невозможно.

— Шум, — отдал приказ Кейн, — сканируй эту площадь. Полный спектр, ищи любые аномалии.

— Выполняю, — голос Риты был сосредоточен, в нем слышалось привычное увлечение охотой за сигналами. — Электромагнитный фон... стандартный биошум... Стоп. Есть слабый углеродный след. Неорганический. Очень древний, уровень распада — миллионы лет. Он ведет... вглубь стены.

Дариан подошел к грубой каменной кладке. Сенсоры его брони, перенастроенные Ритой, начали пищать. На поверхности проступали бледные, маслянистые разводы. Он провел рукой. Под пальцами в месте разводов — едва уловимая вибрация, низкочастотное гудение.

— Сапер, ты нужен здесь. Быстро

Тим появился спустя пару минут. Он проверил стену.

— Камень фальшивый. Качественный композит. Толщина десять сантиметров, сзади пустота. Петли по краям. Потайная дверь. Следы открывания — не старше часа.

— Вскрывай. Только тише.

Тим кивнул. Его щуп выпустил нанолезвиевую пилу. Через полминуты раздался щелчок, и часть стены со скрежетом отъехала внутрь.

Ни пылинок не было в открывшемся пространстве. На древний храм или усыпальницу не похоже.

Дариан шагнул первым. Прожекторы прорезали тьму.

Это был грот. Стены пульсировали фиолетовым светом биолюминесцентных лишайников. В центре на отполированном полу лежали тела в странных, полупрозрачных скафандрах,

из которых сочилась и тут же испарялась черная субстанция. Вокруг лежали обломки каких-то механизмов и канистры с темной жидкостью.

— Что за черт?.. — прошептал Док, застыв в проеме. Макс, видевший все виды ран, смотрел на это с неподдельным ужасом биолога, столкнувшегося с абсолютно чужой жизненной формой. — Это не наша биология... Они... не люди?

— Шум, запусти поиск в архивах. Ищи совпадения везде. Даже в мифологических отчетах, — приказал Дариан, спускаясь в грот. Его шаг гулко отозвался эхом. — Лиса, возвращайся к отряду. Держимся вместе.

Он подошел к ближайшему телу. На груди эмблема — стилизованная слеза, пронзенная молнией. Ничего знакомого.

В дальнем углу что-то слабо блеснуло. Дариан навел прожектор.

Там, прислонившись к стене, сидела еще одна фигура. Броня — черный хитиново-готический латный панцирь с потухающими золотыми инкрустациями. Шлем — как голова ястреба. Из пробойны в груди сочилась серебристая жидкость, напоминающая ртуть.

Голова с трудом повернулась. Визор вспыхнул алым огоньком.

Дариан поднял кулак, остановив отряд. Приблизился.

Из динамиков послышался хриплый, синтезированный голос на архаичном земном языке.

— Хранитель... Ты пришел... слишком поздно. Они уже здесь. Пробудились... из глубин...

— Кто ты? — спросил Дариан, опускаясь на колено.

— Мы... «нефтяники». Искатели древнего огня... — каждый слог давался ему с трудом. — Это могила. Или колыбель... Мы ошиблись...

Он судорожно вдохнул, свет в визоре вспыхнул в последний раз.

— Возьми... Карта... ведет к Сердцу. Не дай им вырваться... Или сожги все дотла...

Он вытянул руку, разжимая пальцы. В них был обсидиановый диск. Диск выскользнул из пальцев.

Дариан поймал его, не дав коснуться пола. Диск ожил. В воздухе замерла голографическая карта чудовищного подземного лабиринта. В центре — пульсирующая кровавым точка. Одна из нитей-туннелей вела напрямик к центру комплекса.

Над картой горела надпись.

«Схема пробуждения. Эоновая Кузница. Уровень изоляции: критический. Целостность печати: 12,7%».

В гроте повисла тишина, нарушаемая лишь гулом систем и тяжелым дыханием.

— Ястреб... — тихо начала подошедшая Лиса. Лана, всегда находившая слова для переговоров с людьми и машинами, смотрела на инопланетные руны с беспомощностью лингвиста перед языком богов. — Это... вне всех протоколов. Что прикажете?

Призрак беззвучно спустился в грот

— Здесь все мертвы. Угроз не вижу. Но эта карта... это туннель. Идеальная позиция для засады. Идти туда — самоубийство. — В ее голосе не было страха, только холодная констатация факта и скрытый вызов: «Ты действительно на это пойдешь? Пойдешь по карте, в ловушку?».

Тим щелкнул языком, изучая голограмму.

— Архитектура... углы не под девяносто градусов. Нагрузка распределяется иначе. Наши заряды могут сработать непредсказуемо. Нужны другие расчеты.

Дариан медленно поднял взгляд от карты. Его голос, когда он заговорил, прозвучал тяжело и окончательно.

— Всем внимание. Приоритет задачи изменен. Кардинально. Изначальный объект теперь вторичен. Основная цель — установить природу этой аномалии и нейтрализовать ее. Шум,

весь массив данных нужно передать на базу — шифр «Апокалипсис», прямая линия командиру.

Он обвел взглядом отряд. Илью, сжимающего пулемет, Макса, все еще потрясенно смотрящего на «нефтяника» с клиническим интересом. Тима, осматривающего стены. Лану, с интересом рассматривающую грот и тела на полу. И Призрака, ищущего невидимую тень.

— Мы не эвакуируемся, — сказал Дариан тоном, не терпящим обсуждений. — Мы идем вглубь. Мы выясним, что пытается «пробудиться». И убедимся, что оно уснет снова. Навсегда. Проверка оружия, полная готовность. Движение через пять минут. Таран, ты ведешь. Призрак — в хвосте.

Он сжал в руке теплый диск. Дверь в другую войну была открыта. И его отряд переступал ее порог.

Глава 3. Храм-испытание

Воздух в ущелье был неподвижным и густым, словно выдох самой скалы, пропитанный вековой тишиной и ожиданием. Дариан стоял перед монолитной стеной, его пальцы скользили по шероховатому камню, отряд замер позади. Тишину нарушал лишь мерный тик хронометра на запястье Дариана.

— Здесь, — пробормотал он, нажимая на едва заметный выступ. — Вот он вход.

Камень с глухим скрежетом отъехал в сторону, открыв черный проем. Группа инстинктивно отступила на шаг назад, вскидывая оружие.

— Командир, там же ловушка? — спросил Илья, не опуская тяжелого пулемета.

— Я почти уверен, что да, — ответил Кейн, — не могу знать, кто ее поставил и настроил, но нам придется сунуться в нее. Иначе все будет много хуже. Не только для нас, но и для безопасности многих других людей.

С этими словами он шагнул внутрь, и тьма поглотила его. Остальные последовали за ним. Стены тоннеля засветились мягким голубым сиянием. Проявились линии и узоры. Воздух завибрировал, и в центре первого зала материализовалась голограмма — парящий прозрачный куб, разделенный на восемь вращающихся сегментов.

Голос, холодный и лишенный эмоций, заполнил пространство:

— Первый ключ — в порядке хаоса. Расставьте сегменты в последовательности угасания частоты. Ошибка есть забвение.

Сапер тут же выдвинулся вперед, его инженерный ум уже сканировал структуру.

— Угасание частоты... Это может быть оптический спектр или...

— Нет, — тихо, но четко сказал Дариан. Он подошел почти вплотную к голограмме. — Смотри не на цвет, а на узоры внутри. Это символы. Каждый — погибшая цивилизация. «Угасание частоты» — метафора их заката. Нужно расположить их в хронологическом порядке гибели.

Он замолк, погрузившись в себя. Его память выдавала образы из полуистлевших хроник. Он стал касаться сегментов. При каждом правильном перемещении сегмент загорался ровным белым светом. При ошибке — гудел и вспыхивал алым.

Последний сегмент встал на место. Куб вспыхнул и растворился, открывая проход

В следующем зале была огромная шахматная доска из светящихся плиток над бездонной чернотой. Напротив мерцал выход.

— Второй ключ — путь тела и мысли. Достигните врат, коснувшись лишь плиток истины. Ложь — есть падение.

Призрак, не говоря ни слова, метнул нож в первую плитку. Та погасла и провалилась вниз.

— Командир. — Призрак презрительно плюнул в бездну. — Мы что, в каком-то шоу? Что за идиотские испытания? В конце нас заставят крутить колесо удачи?

— Боюсь, что так легко мы не отделаемся, — усмехнулся Дариан, — у нас нет выбора, Марко, пока играем по правилам. Доберемся до нужного места, тогда и будем рыпаться.

Он наблюдал. Плитки пульсировали. Датчики на дисплее его шлема тоже.

— Нужно понять закономерность, — прошептал Дариан. И тогда он заметил: некоторые мигали в такт его дыханию, другие — в ритм биения сердца. — Она реагирует на нас. На наше внутреннее состояние. Страх, сомнение — это «ложь». Уверенность, ясность цели — «истина». Нужно идти, не колеблясь.

Первым шагнул Таран. Его решимость была простой и монолитной, как он сам. Плитка под его сапогом засияла. Лана шла за ним, ее движения были плавными и уверенными — она умела входить в нужное состояние, как актриса в роль, за ними прошли остальные члены

отряда. Дариан шел последним, подавляя поток аналитических мыслей, пытаясь просто верить. Это было мучительно.

Они были на середине, когда стены выпустили десятки энергетических снарядов.

— Рефлексы — продолжение истины. Уклонитесь.

Призрак пришел в себя. Его тело за долю секунды до выстрела уже уворачивалось. Илья прикрывался группой своим щитом, становясь живой стеной. Дариан же не уворачивался, а делал шаг в сторону, едва узор на стене начинал светиться, предвеля выстрел. Он считывал зал. Остальные уклонялись, уворачивались и защищались от выстрелов, как могли. Отряд двигался дальше.

Когда последний снаряд рассеялся, они стояли перед массивными дверями из темного металла с мерцающими символами.

— Надписи, они напоминают земную латынь, моя жена... — Кейн осекся, — я изучал ее, немного.

— И что тут написано? — Призрак недовольно сложил руки на груди, все эти ловушки ему уже порядком надоели.

— Символы искажены, или я просто подзабыл их, — откликнулся Дариан. — Это двери в приемную... нет зал приема... или отбора?

— Отбора для чего? — проворчал Илья, он снял шлем и вытер пот со лба.

— Узнаем, когда попадем внутрь, — ответил Дариан.

В этот момент пол дох ногами дрогнул и растворился в серебристом тумане. Они провалились вниз.

Очнулись в круглой, абсолютно белой комнате. В центре на пьедестале лежали семь браслетов из тусклого металла.

Голос прозвучал с едва уловимой наставнической интонацией:

— Познание целого начинается с познания части. Цельность отряда зиждется на цельности души. Наденьте проводники. Испытание личности начато.

Дариан первым надел браслет. Холодный металл слился с кожей. Стена перед ним стала прозрачной, открывая личный коридор. То же произошло с остальными. Пространство разделило их. Каждый остался наедине с собой.

Дариан оказался в голографической копии командного центра. Перед ним материализовались его люди — измученные, искалеченные, с немим упреком в глазах. Голос-мысль шептал: «Твой Дар предвидения ведет их напрямик в ад. Откажись от Дара, прикажи отступить — и они выживут. Продолжи путь — и ты несешь ответственность за каждую смерть». Ловушка для духа лидера. Дариан стоял, смотря в глаза своим мертвым товарищам, и его выбор был в принятии всей тяжести пути.

Снайпер оказался на мосту в беззвездной пустоте. Перед ним появлялись мишени-силуэты: сначала враги, потом нейтралы и, наконец, его товарищи. Голос нашептывал: «Идеальный выстрел не знает морали. Устрани угрозу. Любую. Докажи, что эффективность — твоя единственная истина». Призрак, чьи мышцы сами собой входили в состояние готовности, должен был столкнуться с тем, что так старательно глушил: с остатками человечности. Готов ли он стать абсолютным орудием?

Рита очутилась в камере, заполненной оглушительной какофонией: голоса командования, шипение эфира, обрывки чужих разговоров. Нужно было вычленить слабый, повторяющийся код. Но по мере сосредоточения «голоса» нашептывали страшную правду о манипуляциях командования, о том, что их отряд — расходный материал. Сможет ли она, обязанная слушать и подчиняться, услышать разрушительную правду и принять ее?

Перед Доком возникла голограмма пациента с комбинированным, смертельным ранением. На экране мигали уставные протоколы, предписывающие не тратить время на попытку лечения — пациент был обречен. Но вокруг плавали символы неизвестных органических

соединений и схем энергетических потоков, которые его интуиция читала как ключ к спасению. Док должен был нарушить все инструкции, предать устав и довериться своему чутью и новой, чуждой логике этого мира.

Тим попал в комнату, где законы физики вели себя капризно. Чтобы открыть дверь, нужно было собрать цепь из парящих кристаллов. Но они реагировали не на расчеты, а на громкость его голоса, на всплески эмоций, даже на тень. Классическая логика не работала. Тиму пришлось отказаться от контроля, начать экспериментировать, научиться чувствовать хаос. Ловушка ломала его рациональный ум.

Штурмовик оказался на арене. На Илью волнами накатывались голографические противники. С каждым поверженным врагом его виртуальная сила и ярость росли, принося опьяняющее ощущение всемогущества. Но чем сильнее он становился, тем более хрупкими казались новые голограммы — теперь это были его товарищи. Ловушка искушала его опьяняющей силой. Сможет ли он остановиться, чтобы не причинить вреда своим?

Переговорщица Лана попала в комнату, напоминающую будуар. Перед ней предстали голограммы членов отряда и мудрой незнакомки. Система предлагала изящные, рациональные сценарии: предать доверие Дариана для выгодного союза, солгать ради боевого духа, пожертвовать «слабым звеном». Каждый выбор был безупречно обоснован. Лана должна была пройти по лезвию, где ее главные оружия — гибкость и прагматизм — сталкивались с иррациональной личной верностью. Есть ли у хамелеона стальной стержень?

Марко было страшно. Впервые за долгие годы службы. Он был один. В абсолютно пустой, залитой светом комнате. Спрятаться было негде. Ему, привыкшему таиться в тени, устранять противника издали, было страшно посреди открытого пространства. К тому же он постоянно чувствовал на себе чей-то взгляд, словно сейчас он был в перекрестье прицела невидимого снайпера. Марко почувствовал, как по спине стекает холодный пот. Он не хотел умирать. Не здесь. Не сейчас, не вот так! Не спрятаться, не скрыться. Страх липкий словно паутина окутывал его с ног до головы. Марко стал задыхаться, свет, словно вода, заливался в легкие, выталкивал и них воздух. Марко попытался успокоиться, вернуть себе контроль над ситуацией, получалось плохо.

«Думай, Призрак, думай! — приказал он себе. — Если здесь нельзя спрятаться, значит это и не нужно! Здесь пусто, ничего нет! Все, как на ладони! А что, если?..»

Марко бросил на пол винтовку и быстро стал стягивать с себя амуницию и костюм.

Спустя минуту он стоял посреди залитого светом пространства абсолютно обнаженный, открытый для всего и всех.

Рита стояла над бездной. Впереди, метрах пяти был скальный уступ, за которым была дверь. Девушка смотрела на пятиметровую пропасть. Цель была так близка, но в тоже время недостижима. У Риты не было ни веревки, ни карабина — ничего, что могло помочь преодолеть преграду. Девушка посмотрела вниз — чернота и неизвестность. Рита запустила сканирование. Все приборы утверждали — это не голограмма или проекция, у Риты не было жара. В крови не было психотропных веществ. Это была вполне реальная пропасть.

Девушка снова посмотрела на противоположный берег. На стене вдруг четко появилась надпись:

«Только верящий пройдет».

— Что это значит? — закричала Рита. — Я верю своим приборам! Они показывают наличие провала! Что мне делать с это верой?

Позади девушки поднялась стена огня. От жара стали трещать волосы на голове.

Рита не знала, что делать. В ее глазах было отчаяние. Прыгнуть в пропасть? Сгореть заживо?

Шум глубоко вздохнула. Закрыла глаза. Не видя показателей приборов сделать шаг в пропасть оказалось проще. Она оттолкнулась от края пропасти и прыгнула вперед.

Она ожидала падения, но ноги ее ударились о твердую поверхность. От неожиданности Рита чуть было не потеряла равновесие, но сумела удержаться на ногах и выпрямиться.

— Дальше! — скомандовала себе она и прыгнула, не думая о показателях, доверяя лишь себе.

В три прыжка она преодолела пропасть. Огонь за ее спиной бессильно стекал в разлом. Девушка, тяжело дыша, направилась к двери.

Вернулись они в белую комнату по одному. Марко — с подрагивающими руками и потухшим взглядом. Он не сделал контрольный выстрел. Док — с новым огнем в глазах. Он нарушил все протоколы и спас «пациента». Рита была бледна, Лана вернулась с замкнутым, но спокойным выражением лица — ее выбор был сделан. Никто не говорил о том, что видел. Понимание сложности операции висело в воздухе.

Браслеты на их запястьях мягко засветились. Когда они собрались в кольцо, свет от семи браслетов слился, проецируя новый символ: кузнечный молот в кольце-шестерне. Под ним вспыхнули руны: «Вечная Кузница».

Массивные двери беззвучно разошлись, открывая бескрайнее звездное пространство. В центре парила гигантская, искрящаяся голубыми молниями наковальня, вокруг — фрагменты разбитых часов, доспехов и механизмов.

Дариан обвел взглядом команду. Они были другими. Уставшими, но с новой глубиной в глазах.

— Капитан, — тихо сказал Тим. — Это была не случайная полоса препятствий. Она была настроена. На нас. Конкретно.

— Я думаю о том же, — кивнул Дариан. — Это персонализированный отбор. Или подготовка.

— Подготовка к чему? — хрипло спросил Илья.

— К встрече с тем, что там. — Дариан махнул рукой в сторону наковальни. — Нас допустили к цели.

Призрак, до этого молчавший, резко поднял голову. Его глаза горели яростью.

— Допустили? Или заманили? Мы все покопались в своем грязном белье! А что, если это и есть ловушка? Чтобы сломать нас изнутри, чтобы мы вышли готовыми подчиниться? Дариан ведет нас напрямик на убой!

Его слова повисли в воздухе. Напряжение вспыхнуло. Илья насупился, не понимая. Лана внимательно смотрела на Призрака, оценивая его состояние.

Дариан повернулся к снайперу. Его голос был отточен как лезвие.

— У тебя есть предложение? Отступить? Когда двери уже открыты?

— Мое предложение — не быть марионеткой! — выкрикнул Марко, делая шаг вперед. Его сдержанность испарилась. — Пошел ты, Дариан! — Он резко выхватил пистолет.

Но Дариан был быстрее. Резким, точным ударом он отправил Марко на пол. Удар был не сокрушающим, но отрезвляющим.

— Спокойно, — сказал он остальным, не повышая голоса. — Со всяким может случиться. Ты в порядке?

Последняя фраза была обращена к Призраку, который поднимался, потирая челюсть. В его глазах бушевала буря, но ярость схлынула, сменившись холодным, привычным расчетом и... странным облегчением.

— В порядке, командир, — прохрипел он. — Прошу прощения.

— Забыли. — Дариан уже отвернулся, всматриваясь в звездную бездну перед ними. — Готовьтесь. Нас ждут.

Глава 4. Приказ с помехами

Центральный зал казался целой вселенной, заключенной в камень. Своды терялись где-то в вышине, утопая в полумраке, который не рассеивался даже светом их фонарей. Их лучи, способные осветить ангар шаттла, здесь растворялись в непроглядной тьме, словно поглощаемые самой атмосферой. Каждый вдох отдавался легким холодом, а выдох превращался в облачко пара, быстро исчезающее в неподвижной атмосфере зала.

В самом же центре, над полированным пьедесталом из черного базальта, парил Кристалл.

Он не касался поверхности, медленно вращаясь. Его многочисленные грани переливались изнутри теплым светом. Геометрия объекта бросала вызов привычному восприятию — он казался одновременно выпуклым и вогнутым, его грани то появлялись, то исчезали, следуя какому-то внутреннему, непостижимому для стороннего смотрящего ритму. От него исходило тихое, едва уловимое гудение, больше ощущаемое кожей, чем слышимое ушами. Вибрация проникала сквозь подошвы ботинок, поднималась по костям, отзывалась в зубах слабой дрожью. Казалось, он дышит. И с каждым его «вдохом» свет внутри усиливался, заставляя тени на стенах сжиматься и отступать, а с «выдохом» — отливало глубоким индиго, и тьма в зале сгущалась, становясь почти осязаемой.

— Объект идентифицирован, — тихо, почти благоговейно произнесла Рита, не отрывая взгляда от прибора. Ее пальцы скользили по сенсорной панели, вызывая на экран потоки данных, которые тут же начинали вести себя аномально — цифры плясали, графики изгибались в невозможные петли. — Энергетическая сигнатура зашкаливает. Уровень фоновых искажений огромен. Командир, я... я не уверена, что наши контейнеры его выдержат. Даже поля стабилизации класса «Омега», которые применяют на крейсерах не рассчитаны на такую нагрузку. Это... это что-то другое. Оно не просто излучает энергию. Оно искажает пространство вокруг себя. Смотрите.

Она показала на экран, где вокруг схематичного изображения кристалла расходились концентрические круги, обозначающие гравитационные аномалии. Они были нерегулярными, рваными, как круги на воде от брошенного камня неправильной формы.

— Здесь, на расстоянии пяти метров, гравитация на три процента выше нормы. Здесь, на десяти, — на восемь процентов ниже. А в этих точках, — она ткнула пальцем в несколько хаотично разбросанных маркеров, — вообще наблюдается локальное гравитационное опрокидывание. Предметы могут падать вверх, Дариан.

Дариан молчал, изучая зал. Его боевой опыт, отточенный в десятках вылазок на заброшенные станции и враждебные миры, шептал: слишком тихо, слишком просто. Ни ловушек, ни механических защитников, ни даже намек на биологическую опасность. Только этот гипнотизирующий артефакт в пустом пространстве. Его пальцы непроизвольно сжали приклад винтовки. Он методично осматривал своды, стены, пол. Камни были гладкими, отполированными до зеркального блеска, но без единого шва, словно весь зал был вырезан из единой гигантской глыбы. На стенах проступали слабые, почти стершиеся барельефы — спирали, пересекающиеся круги, символы, не принадлежавшие ни одной известной культуре. Они казались случайными, но, если смотреть под определенным углом, складывались в единую, пугающе сложную картину, напоминающую то ли схему галактики, то ли нейронную сеть невообразимого масштаба.

— Титан, это База. Прием.

Голос в наушнике прозвучал так неожиданно и громко, что все вздрогнули. После часов полной тишины, нарушаемой лишь их собственными шагами и дыханием, после безуспешных попыток пробиться сквозь помехи, этот звук был подобен взрыву. Связь! Сквозь толщу неиз-

вестной породы и аномальные поля, пробился четкий, пусть и искаженный цифровым шипением, сигнал.

— База, это Титан. Слышим вас! — немедленно ответила Рита, лицо ее озарилось облегчением, быстро сменившимся профессиональной собранностью. — Мы в центральном зале. Объект обнаружен. Повторяю, объект...

— Титан, немедленно извлеките и эвакуируйте артефакт! — голос с Базы перебил ее, грубо, без соблюдения протокола. Это был не обычный оператор связи, а кто-то из высшего командования. И в его тоне сквозила не просто срочность, а настоящая, неконтролируемая паника, граничащая с истерикой. — Высший приоритет! Заберите его и двигайтесь к точке эвакуации! Сейчас же! Никаких задержек! Повторяю, никаких задержек! Всем остальным можно пренебречь! Мирными, повстанцами, да всем этим долбаным миром! Доставьте его нам!

Дариан нахмурился, его рука инстинктивно потянулась к регулятору громкости на шлеме: он хотел убавить этот пронзительный, неестественный голос. Он знал этот голос — генерал Варс. Человек-легенда, переживший три полномасштабные межзвездные войны и падение колонии «Проспект», не терявший хладнокровия даже под орбитальной бомбардировкой, когда плавилась броня бункера. А сейчас в его голосе была истерика. И что-то еще — странный металлический отзвук, будто голос проходил через десятки фильтров или... или говорил не совсем человек.

— База, подтвердите, — холодно, чеканя каждое слово, сказал Дариан, подходя к Рите и жестом указывая ей продолжать сканирование. — Сообщите обстановку. Что происходит? Ваше требование — это нарушение протокола изоляции!

В эфире на секунду воцарилась тишина, заполненная лишь шипением помех. Потом голос Варса прорвался снова, еще более громкий, еще более искаженный:

— Майор Дариан, это приказ! Код «Омега»! Вы слышите? Код «Омега»! — закричал он, и в этом крике слышалось нечто животное. Помехи наложились на его голос, превратив его в металлический, роботизированный визг. — Нет времени на объяснения! Заберите сферу! Она не должна... они не должны... — голос на мгновение сорвался, превратившись в неразборчивое бормотание, а затем снова взвился до крика: — Заберите ее! Иначе все пропало! Все!

Связь захлебнулась в лавине белого шума, но цель была ясна как день.

— Что за бред? — прошептал Таран, перезаряжая свой тяжелый пулемет с характерным, громким щелчком затвора. Его широкое, обычно невозмутимое лицо выражало глубочайшее недоумение и настороженность. — «Заберите и бегите»? А как же протокол изоляции? Сканирование на угрозы? Контроль на биологическое и энергетическое заражение? Мы что, курьеры? Он хочет, чтобы мы схватили эту штуку голыми руками и потащили?

— Они там с ума сошли, — буркнул Призрак, не отрывая взгляда от кристалла. Он уже снял со спины специальный контейнер для артефактов — массивный цилиндр из полированной черной стали с амортизаторами и генераторами полей подавления. Его движения были быстрыми, решительными, почти автоматическими. — Приказ есть приказ, майор. Код «Омега» отменяет все протоколы, все инструкции. Прямой приказ командующего в боевой обстановке. Мы обязаны выполнить.

Дариан почувствовал ледяную тяжесть в желудке, сжимающуюся в тугую, болезненный узел. Инстинкт, выточенный десятками вылазок, предательств и неожиданных ловушек, кричал на все лады: опасность. Не здесь, в зале. Там, наверху. В командовании. Что-то случилось с Базой. Или с самим Варсом. Этот приказ пахнет отчаянием и безумием, а в их профессии это означает смерть.

— Рита, — тихо, но с такой железной твердостью, что девушка мгновенно встрепенулась, сказал он. — Попробуй выйти на прямой канал с «Прометеем». Минуй Базу. Используй резервные частоты, зашифрованные каналы. Нужно понять, что происходит на орбите.

— Пытаюсь, майор. — Девушка уже лихорадочно работала с панелью на запястье, ее пальцы летали по сенсорным клавишам. — Спутниковый ретранслятор... он активен, но сигнал странный. Односторонний. Мы можем только принимать. Исходящий канал... заблокирован. Не заглушен, а именно заблокирован на корню, у самого источника. На Базе. Как если бы они отключили передатчик на своем конце, оставив включенным только приемник для наших сообщений, но... но это технически почти невозможно без нашего ведома.

Односторонняя связь. Приказы, не терпящие вопросов. Паника на самом верху. И этот кристалл, пульсирующий в центре зала, словно живое сердце какой-то древней, спящей магии.

— Ничего не выходит, майор. Нас глушат. Целенаправленно и эффективно.

В этот момент кристалл в центре зала, словно в ответ на их попытки связи или на панический приказ, вспыхнул ярче. Его ритмичная пульсация сменилась резкой, прерывистой, напоминающей аритмию. Гудение, прежде едва ощутимое, превратилось в нарастающий, низкочастотный вой, который заставлял вибрировать не только пол, но и воздух в легких. Свет внутри него заиграл ядовито-зелеными и багровыми оттенками.

— Майор! — крикнул Таран, инстинктивно наводя ствол своего пулемета на артефакт, хотя и понимал бесполезность такого действия.

Но угроза пришла не от сферы. Она пришла из самого зала, из его древних стен, из самого воздуха, насыщенного аномальной энергией.

По периметру зала, из самих каменных глыб, из пустоты, замерцали голограммы. Они материализовались не сразу — сначала как дрожащие, нестабильные миражи, наложения света и тени, будто кто-то пытался настроить проектор сквозь толщу воды. Затем, с каждым импульсом кристалла, они обретали четкость, плотность, форму. Высокие, двуногие существа, на голову выше даже Тарана, облаченные в стилизованные, словно крылатые, доспехи, которые казались выкованными из застывшего света. Их лица скрывали гладкие шлемы без видимых деталей, лишь узкие щелевидные прорезы на месте глаз, излучавшие тусклое красноватое свечение. В руках они держали оружие незнакомой конструкции — длинные, тонкие посохи, увенчанные пульсирующими, похожими на кристаллы, наконечниками, от которых исходило волновое тепло, искажающее воздух.

Их было двенадцать. Они возникли бесшумно и встали в идеальный круг, отрезая отряд от единственного известного входа. Они не двигались, не издавали звуков. Они будто являлись такой же частью зала, как и его стены. Свет от их «доспехов» отбрасывал на стены и пол мерцающие, неестественно резкие тени, которые, казалось, жили своей собственной жизнью, чуть отставая от движений своих хозяев.

— Они... не настоящие? — спросила Рита, голос дрожал, но она старалась его контролировать, продолжая считывать данные с приборов.

— Настоящие достаточно, чтобы убить, — проворчал Таран, не сводя глаз с ближайшего к нему стража. — Смотри на энергетические сигнатуры, подруга. Это не просто световая проекция. Это сфокусированные, стабилизированные поля жесткого излучения, обернутые вокруг матрицы силового поля. Физический удар они, может, и не нанесут, но лучом из этого посоха запросто.

Рита удивленно посмотрела на Илью, который раньше никогда не блистал академическими знаниями в области физики света.

Один из стражей, стоявший прямо напротив Дариана, резко, без какого-либо предупреждения, поднял свой посох. Наконечник вспыхнул ослепительно-белым светом, заряжаясь с гулом трансформатора.

— В укрытие! Рассредоточиться! — скомандовал Дариан, отпрыгивая в сторону.

Луч чистой, сконцентрированной энергии, похожий на сжатую молнию толщиной в руку, прошел воздух с шипящим звуком, напоминающим рвущуюся ткань реальности. Он ударил

точно в то место, где секунду назад стоял Дариан, и оставил на каменном полу не просто выжженную полосу, а дымящуюся борозду глубиной в ладонь, с оплавленными, стекловидными краями. Камень испарился, превратившись в облачко едкого дыма.

— Огонь на подавление! — взревел Дариан, давая длинную очередь из своей штурмовой винтовки по голове прошивали голографические поля, лишь заставляя их мигать и покрываться рябью, как вода от брошенного камня. — Они защищены силовыми щитами! Рита, ищи частоту! Сбивай их щиты! Илья, держи их на расстоянии!

— Работаю! — крикнула она, пригнувшись за массивным обломком какого-то древнего, оплавленного механизма, торчащего из пола. Ее пальцы летали по интерфейсу, запуская диагностические и сканирующие программы.

Зал превратился в ад перекрестного огня. Лучи энергии, выпускаемые стражами, секли пространство яркими, смертоносными полосами, выжигая на полу и стенах сложные, почти ритуальные узоры из оплавленного камня. Воздух наполнился запахом озона, гари и раскаленного металла. Таран, закрепившись за низкой каменной колонной, вел непрерывный, методичный огонь. Его заряды хотя и не пробивали щиты, но с каждым попаданием отбрасывали стражей назад, заставляли их пошатываться, не давая им сфокусироваться для точного выстрела. Гул его пулемета сливался с воем кристалла в оглушительную какофонию.

Призрак, используя свою природную мобильность и легкость брони, перемещался короткими, стремительными перебежками от укрытия к укрытию. Он отстреливался из компактного пистолета-пулемета, пытаясь найти слабое место в их построении, попадая в сочленения доспехов, в щелевидные прорезы. Но стражи, казалось, предугадывали его движения, их щиты всегда оказывались на пути снарядов.

Дариан координировал бой, его голос, холодный и властный, был единственной точкой опоры, якорем в этом безумии света, огня и гула. Он видел картину боя целиком, отмечал малейшие изменения.

— Таран, сместись на три метра влево! Дави на того, что за тобой, он заряжает тяжелый залп! Призрак, не лезь под лучи, обходи с фланга! Шум, быстрее, у нас нет времени! Лиса, Сапер, Док — прикрывайте Призрака и Тарана.

— У них не индивидуальные щиты! — задыхаясь, доложила Рита, едва увернувшись от луча, который содрал кусок камня с ее укрытия. — Они связаны в сеть! Энергетическая матрица распределена между всеми двенадцатью. Нужно бить по всем одновременно, чтобы перегрузить систему, или найти источник, питающий эту сеть! Это как нейросеть — пока активен узел, система восстанавливается!

Источник. Дариан бросил взгляд на центральный кристалл. Он пульсировал теперь в такт атакам стражей, как сердце, гонящее кровь к конечностям. С каждым их выстрелом он вспыхивал ярче, с каждым попаданием по ним — тускнел, будто забирая энергию на восстановление щитов.

— Понял. Таран! Призрак! — крикнул Дариан. — Концентрированный огонь по базе стражей! По ногам и точке опоры! Не дать им держать строй, нарушить их стабильность! Цельтесь в пол под ними, создавайте помехи!

Стражи, словно почувствовав изменение тактики, изменили и свою. Они перестали пассивно держать круг и вести дистанционный обстрел. Шесть из них, те, что были ближе, ринулись вперед, сближаясь для ближнего боя. Их посохи в одно мгновение трансформировались, энергия сконцентрировалась на концах, превратившись в длинные, изогнутые клинки чистого, белого пламени, от которых исходил невыносимый жар. Остальные шестеро остались на местах, обеспечивая прикрытие, ведя прицельный, методичный огонь, вынуждая бойцов Дариана оставаться в укрытиях.

Один из энергетических клинков, описанный молниеносной дугой, чиркнул по броне-плите на плече Тарана. Броня, рассчитанная на попадание осколков и импульсных зарядов, не

выдержала. Материал не расплавился, а просто... исчез, испарился. Великан зарычал от внезапной, жгучей боли, но не отступил ни на шаг. Вместо этого он развернулся и поймал атакующую голограмму очередью в упор с расстояния в метр. Щит стража взвыл, замигал, и существо отлетело назад, врезавшись в стену, на миг потеряв форму.

Призрак вступил в фехтовальный поединок сразу с двумя противниками. Пистолеты полетели на пол. Марко выхватил два длинных ножа, что висели у него на поясе. Его кинжалы с переменным успехом парировали удары энергетических клинков, при каждом столкновении раздавался пронзительный визг и вспышки ослепительных искр. Он был быстр, нечеловечески быстр, его движения представляли собой смертоносный танец уклонов, выпадов и контратак. Но противники, связанные в единую сеть, читали его движения, предугадывали их. Они атаковали синхронно, заставляя его отступать, терять позицию.

— Майор! — закричала Рита, ее голос пробился сквозь грохот. — Я почти... есть слабая точка в их сети! Нестабильность! Восемь градусов от центральной оси кристалла, на отметке триста двадцать! Один из стражей на дальней позиции, тот, что у барельефа со спиралью!

Дариан уже видел это сам, отмечая неравномерность свечения. Связь с общим полем у одного из стражей была нестабильной, прерывистой. Его голографическая форма слегка дрожала, как плохо настроенный сигнал.

— Призрак, отвлекай тех двоих! Таран, огонь на мою команду по основному кругу! Рита, по готовности, импульс на широкой частоте, бей по слабому звену! Остальные огонь на подавление! Не дайте им защититься!

Он прицелился из-за укрытия. Весь мир сузился до перекрестья мушки на визоре шлема, пульсирующей голограммы слабого стража и тихого, размеренного счета в голове. Его дыхание выровнялось, палец лег на спусковой крючок. Он ждал момента, когда Илья даст залп, чтобы отвлечь основное внимание сети.

И в этот самый момент Призрак, отбив очередной двойной удар и сделав головокружительный кульбит, совершил не запланированное, не согласованное с Дарианом стремительное движение. Не к уязвимому стражу. Не для отвлечения. Он рванулся к центру зала. К пьедесталу. К кристаллу.

— Призрак, стой! Что ты делаешь?! — рявкнул Дариан, инстинктивно опуская винтовку.

Но было поздно. Солдат, движимый слепым, дрессированным выполнением того самого панического приказа, проигнорировал все. Он проигнорировал луч энергии, который содрал ему часть брони на плече, оставив клубящийся дым и запах гари. Он проигнорировал крик командира. Он прыгнул.

— Приказ нужно выполнить, Ястреб! — его крик, полный какого-то странного, фанатичного рвения, прозвучал над грохотом боя, оглушительным диссонансом. — Код «Омега»! Они знают, что делают!

Его рука в бронированной перчатке, схватила вращающийся в воздухе кристалл.

Гул пулемета шипение лучей, звон клинков, вой кристалла — все смолкло. Голографические стражи замерли на полпути в движении, их формы начали дробиться, рассыпаться на миллионы светящихся пикселей, которые затем потухли, словно их никогда и не было. Пыль, поднятая в бою, повисла в воздухе неподвижно.

А потом кристалл вспыхнул.

Дариан не увидел вспышку: он ощутил ее всем своим существом, как удар по самой ткани реальности, как крик самой материи. Не было ни тепла, ни ультрафиолета — только чистое, нефильТРованное излучение активации.

Волна силы, не тепловой и не ударной в физическом смысле, а какой-то иной, фундаментальной, подхватила его, как щепку в цунами, и отшвырнула к дальней стене. Он ударился спиной о камень с такой силой, что даже усиленная броня треснула, и мир на миг почернел, заполнившись искрами боли. Сквозь оглушительный, высокочастотный звон в ушах он услы-

шал обрывки криков: низкий, яростный рев Тарана, пронзительный, испуганный вскрик Риты, но они звучали приглушенно, далеко, как из-под толщи воды.

Он заставил себя открыть глаза, преодолевая тошноту, головокружение и острую боль в спине. Зрение возвращалось пятнами, полосами, медленно собираясь в картину.

Центральный зал... разрушался. Но не так, как должно разрушаться здание под ударами или взрывом. Стены не рушились внутрь, тяжелые плиты летели вниз. Они распадались по невидимым швам, и каменные блоки открывали то, что было за ними. И это «за ними» было не скальной породой, не коридорами, не чем-либо знакомым.

Дариан, собрав волю в кулак, поднял голову.

За разрушающимися стенами не было ничего. Там была пустота. Абсолютная, бездонная, всепоглощающая тьма. Дыра в реальности. Камни улетали в эту тьму и исчезали, не оставляя следа, не производя звука. Оттуда не дуло ветром, не исходило холода или тепла — отсюда исходило ничто.

Свет от кристалла, который все еще сжимал Призрак, бьющийся в конвульсиях, начинал гаснуть. Но он не тух, как гаснет лампочка. Он утекал, втягиваясь обратно в ядро кристалла, словно артефакт всасывал в себя всю выпущенную энергию, всю активацию. А затем, достигнув критической точки, свет исчез полностью.

И вместе со светом, в образовавшуюся пустоту, в разрушенный зал, хлынула тьма.

Она заливала пол, поднимаясь с пугающей скоростью, поглощая обломки, пьедестал, фигуру Призрака, все еще сжимающего уже потухший, мертвый на вид кристалл. Там, где она касалась предметов, они стирались, растворялись, переставали существовать.

Дариан попытался встать, оттолкнуться от стены, крикнуть своим людям, что-то приказать, но тьма уже добралась до него. Она коснулась его ног, и ощущение было ужасающим, не поддающимся описанию — не боль, не холод, не жжение. Это было полное исчезновение, растворение, аннигиляция. Его конечности перестали существовать для его же мозга. Он видел их, но не чувствовал, не мог ими пошевелить. Сигналы от нервов просто обрывались в этой черной субстанции.

Он откинулся назад, последним усилием воли пытаясь увидеть, понять, что происходит с его командой. Таран лежал неподвижно метрах в десяти от него, наполовину скрытый поднимающейся черной массой. Он не двигался. Рита, чуть ближе, пыталась ползти к великану, ее лицо искажено болью и ужасом, одна рука беспомощно протянута в его сторону. Ее рука, коснувшись тьмы, медленно, прямо на глазах исчезала, растворяясь от пальцев к запястью.

Их глаза встретились. Взгляд Риты, полный боли, вдруг прояснился. В нем стояло изумление, смешанное с какой-то странной, пронзительной догадкой, озарением, пришедшим в самый последний миг. Ее губы шевельнулись, но без толку. Потом тьма накрыла и ее.

Дариан попытался отыскать взглядом остальных, но ни Ланы, ни Тима, ни Дока он не увидел. Все было залито тьмой.

Наконец она накрыла Дариана с головой.

Он падал. Сквозь слои реальности, времени, памяти, личности. Как камень, брошенный в колодец без дна.

И в этом падении начались видения.

Они возникали прямо в его разуме, яркие, всеобъемлющие, неопровержимые, как воспоминания, которых у него никогда не было. Это было знание, влитое в него напрямую.

Глава 5. Бесконечная кузница: Отливки

Ничто. Пустота. Обволакивающая, как саван. Дариан попытался крикнуть, но рот только беззвучно открывался. Он махнул рукой перед лицом — ничего не увидел, лишь почувствовал странное сопротивление, будто плыл в черной смоле. Паника, холодная и острая, когтями впиалась в горло. «Держать строй». «Не терять связь». Но строй рассыпался в небытии. Его команда исчезла.

И тогда тьма пошла изнутри. Она затягивая его сознание в водоворот забытых образов. Сопротивляться было бесполезно. Дариан отпустил контроль, и память, как черный прилив, накрыла его с головой.

Он стоял по стойке «смирно» в кабинете, пахнущем полиролью и старыми бумагами. Полковник Брюстер, человек с лицом из выветренного гранита, не предлагал сесть.

— Майор Кейн. Ваше досье — образец служебного соответствия. Шесть успешных операций за линией фронта Хроноразлома. Коэффициент выживаемости подчиненных — на восемнадцать процентов выше среднего. Интуиция? — Брюстер отложил папку.

— Выучка и расчет, сэр.

— Не врите. Мы знаем о «предчувствиях». Вы отводите взвод за секунду до минометного налета. Меняете маршрут, и там оказывается засада. Это не расчет. Это Дар. Редкий и ценный.

Слово «дар» прозвучало как приговор. Дариан внутренне сжался. Официально Даров не существовало. Они были аномалией, чем-то между болезнью и военной тайной.

— Я служу Республике, — глухо сказал Дариан.

— Именно. И Республике нужны ваши способности там, где они принесут максимальную пользу. Не на линии фронта, где вы спасаете десяток солдат. А в месте, где решается судьба миллионов. Проект «Горнило».

Полковник протянул тонкую папку с грифом «Совершенно секретно. Вечное хранение».

— Это добровольное задание. Но отказ будет означать перевод в резерв с последующим... изучением вашей аномалии в лабораторных условиях. Выбор за вами.

Дариан открыл папку. Первая же строка резанула глаза: «Арена времени — предположительно искусственная или квантово-стабильная аномальная зона, где физические и временные законы носят изменчивый характер. Цель проекта "Горнило": исследование, закрепление и эксплуатация ресурсов Арены для нужд обороны».

Он поднял взгляд. Брюстер смотрел на него без эмоций.

— Ваша задача — возглавить специальную исследовательско-штурмовую группу. Лучшие из лучших, каждый со своим... особым потенциалом. Вы будете их когтем и щитом. Вы будете выполнять приказы Базы, передаваемые через оператора связи. Вы будете добывать для нас артефакты, данные, контроль над узлами Арены. Ваш Дар — ключ к их предсказанию. Вы станете инструментом высшей стратегической важности.

Дариан почувствовал знакомое ледяное покалывание в висках — предчувствие — от слова «инструмент». Но на этот раз оно было смутным, неясным. Оно не предупреждало об опасности. Оно шептало о точке невозврата.

— Я согласен, — сказал он, заглушая внутренний голос. Долг был проще. Долг был понятнее.

— Правильный выбор, — кивнул Брюстер. — Завтра в шесть утра на площадке «Дельта». Помните: вы и ваша команда отныне не существуете. Вы — тени. Вы — «Титан». Ваша родина — это приказ. Ваше время — это миссия.

Воспоминание начало таять, и последним, что увидел Дариан в нем, был не полковник, а собственное отражение в темном стекле кабинета — лицо солдата, уже наполовину ставшее инструментом. И свои глаза, полные немого вопроса, на который тогда у него не было ответа.

Тишина ангара нарушалась лишь ровным дыханием и едва слышным щелчком затвора. Призрак лежал на коврике, щека прижата к прикладу уникальной винтовки «Тишина» — его детища, собранного по чертежам из обрывков снов об Арене. На стометровой мишени был нарисован не силуэт, а геометрический узор из точек.

Рядом стоял наблюдатель в сером халате, без знаков различия.

— Испытание на точность и приоритетность. Белое яблочко — гражданское лицо. Красный треугольник — солдат противника. Синий квадрат — наш агент под прикрытием. Черный круг — цель высокого значения. Ограничение по времени: одна цель в секунду. Начали.

Экран перед мишенью ожил, фигуры начали хаотично перемещаться, сливаться, накладываться друг на друга. Мозг Марко работал холодно и четко, как и его винтовка. Он отключил все, кроме расчета. Гражданское? Помеха. Солдат? Угроза второго порядка. Агент? Расходный материал. Черный круг... Цель.

Выстрел. Перезарядка. Смещение. Еще выстрел. Скорость его работы была сверхчеловеческой. Дар Призрака был прост и ужасен: в момент прицеливания время для него растягивалось, давая бесконечные доли секунды на расчет траектории, поправки, прогноз движения. Он не просто стрелял. Он прокладывал путь пули в будущее.

Последний выстрел. Тишина. На экране замигала оценка: «100%. Приоритеты соблюдены. Агент ликвидирован. Цель поражена».

Наблюдатель подошел и протокольно заговорил.

— Вы убрали нашего агента. Он был под прикрытием, его потеря — удар по сети.

— Он закрывал цель своим телом на три десятых секунды. Вероятность рикошета и промаха по цели высокого значения составляла сорок семь процентов. Я устранил переменную, — так же монотонно ответил Призрак, не отрывая глаз от прицела.

— Рационально. Безэмоционально. Эффективно. Именно такой оператор нужен в «Горниле». Там правила диктует Арена. И мораль там — роскошь, которая убивает. Там вы сможете отточить свой Дар до абсолютного совершенства. Стать не просто лучшим стрелком. Стать олицетворением смерти на расстоянии. Хотите этого?

Призрак наконец оторвался от винтовки. В его холодных глазах вспыхнул тот самый голод — голод к абсолютному мастерству, к преодолению всех пределов.

— Я хочу быть идеальным, — сказал он.

— Тогда добро пожаловать, — улыбнулся наблюдатель. — Там вы перестанете быть человеком. Станете Легендой.

Воспоминание истончилось, оставив после себя во рту привкус пороха и холодной, всепоглощающей уверенности в правильности выбора. Быть лучшим. Любой ценой.

Комната радиста в штабе проекта была залита мерцающим светом десятков экранов. Рита, тогда еще младший сержант Рита Марэ, ловила в наушниках коды подтверждения от дальних дозоров. Ее Дар был тихим и странным: она слышала не только радиоволны, но и... промежутки между ними. Сбои. Шумы. Иногда в этом шуме проскальзывали обрывки голосов, не принадлежавших ни одной из известных радиостанций.

В тот день она поймала особенно сильную волну статики. Сквозь шипение и треск пробивался голос, слабый, полный ужаса: «...не возвращайтесь... это не планета... оно дышит... кузница... все переплавляет...»

Рита замерла. Она знала процедуру: немедленно доложить о несанкционированной передаче. Но что-то в этом голосе заставило ее прислушаться.

Сообщение оборвалось. В наушниках воцарилась мертвая тишина эфира. А потом — четкий, ясный голос оператора Центра, ее непосредственного начальника, майора Кантини: «Стаб-07, это База. Сообщите свой статус».

Она чуть не подпрыгнула. Как он вышел прямо на ее частоту?

— Ц-центр, Стаб-07. Все каналы чисты, — автоматически ответила она.

— Нет, не чисты, младший сержант Марэ. Мы зафиксировали аномальную активность в вашем сегменте. Что вы слышали?

Голос был спокоен, но Рита почувствовала, как у нее похолодели пальцы от тона начальника.

— Сбой атмосферки, майор. Помехи.

— Помехи, которые звучали как речь? Помехи, содержавшие кодовое слово «Кузница»? — Кантини не повышал голос, но от его слов стало нечем дышать. — Младший сержант Марэ. Вы либо вредитель, либо носитель ценного актива. Ваши способности к аудио-аномалиям известны. Вы либо отправитесь на допрос по статье о шпионаже, либо присоединитесь к специальной группе, где ваш «слух» будет служить Республике. Выбор прост.

Рита смотрела на пульсирующие светодиоды аппаратуры. Весь ее мир — четкие частоты, устав, приказы — дал трещину. Из трещины доносился голос незнакомца, умоляющего о спасении. И голос майора, предлагающего сделку.

— Я... хочу служить, сэр.

— Так держать. Завтра явка. Кодовое название вашего нового позывного — Шум. Вы будете ушами группы «Титан». И будете слышать только то, что приказано. Ясно?

— Так точно.

Соединение прервалось. Рита медленно сняла наушники. В тишине комнаты ей все еще чудилось шипение эфира и тот самый, полный ужаса, шепот: «все переплавляет».

Полевой госпиталь за линией фронта был адом, воплощенным в палатках. Вой сирен, стоны, запах крови, антисептика и страха. Капитан медицинской службы Макс Штейн, он же «Док», уже сорок часов не спал, его руки были в крови по локоть. Его Дар был тихим и милосердным: прикосновением он мог на время «успокоить» боль, замедлить кровотечение, дать раненому шанс дожить до операционного стола.

К нему подошел высокий, сутулый мужчина в безупречно чистом халате поверх полевой формы с погонами полковника медицинской службы.

— Капитан Штейн? Я — Виго Левайн. Наблюдаю за вашей работой три часа. Вы спасли семерых, которых по статистике должны были потерять.

— Я просто делаю свою работу, полковник, — пробормотал Макс, зашивая рваную артерию у бледного, как полотно, юнца.

— Нет. Вы делаете больше. Вы нарушаете законы биологии. Скромно. Эффективно. У вас есть потенциал. Но здесь... — Левайн жестом обвел переполненную палатку. — Вы боретесь с последствиями. Капля в море. Хотите бороться с причиной?

— Что вы имеете в виду?

— Проект «Горнило». Место, где рождаются угрозы, против которых бессильны обычные войска. И где, соответственно, нужны необычные медики. Нужно будет изучать. Как Арена влияет на тело. Как рождаются Дары. Как можно... усилить человеческий потенциал, чтобы дать отпор тому, что ждет нас в будущем. Вы спасете не десятки жизней, а, возможно, целый вид.

Идея была грандиозной и пугающей. Макс посмотрел на свои руки, на кровь, на юнца, дыхание которого стало ровнее.

— А как же принцип «не навреди»?

Левайн наклонился и заговорил тише, жестче.

— Здесь, капитан, высшая форма «не навреди» — обеспечить выживание человечества. Даже если для этого придется пересмотреть старые клятвы. Даже если придется работать не только с людьми, но и с тем, во что Арена людей превращает. Вы нужны нам. Они, — он кивнул на палатку, — нуждаются в вас *там*.

Макс чувствовал, как трещит его идеалистический мир. С одной стороны — конкретная, простая жизнь, которую он держал в своих руках прямо сейчас. С другой — призрачная возможность спасти миллионы, спустившись в самую преисподнюю неизвестного.

— Я согласен, — тихо сказал он. — Но при одном условии. Мое решение — последняя инстанция в том, что касается здоровья моей команды.

Левайн улыбнулся, как хищник.

— Договорились, доктор. Добро пожаловать в «Горнило».

Тим «Сапер» Нильсон, лучший инженер-подрывник инженерных войск, стоял перед объектом №17 — обелиском из черного материала, не поддававшегося спектральному анализу. Он испускал слабое гудение и искажал пространство вокруг себя, закручивая пыль в невозможные геометрические фигуры. Задача была проста: обезвредить предполагаемое устройство. За три часа Тим применил все известные приемы: акустику, термальное сканирование, рентген, анализ вибраций. Результат — ноль. Обелиск жил по своим законам.

— Ну что, капитан? Логика подсказывает решение? — спросил наблюдатель из-за бронестекла.

— Логика подсказывает, что этого не может быть, — сквозь зубы процедил Тим. Его мир, выстроенный на точных расчетах, физических константах и предсказуемости, рушился на глазах. Это бесило его до дрожи.

И тогда он это почувствовал. Не дар в привычном смысле, а скорее... инженерное озарение, обостренное до сверхъестественного уровня. Его разум, отчаявшись найти логику, начал подстраиваться под безумие объекта. Он закрыл глаза и увидел некий узор. Поток энергии, завязанный в «парадоксальный узел». Его руки сами потянулись к инструментам. Он действовал не по инструкции, а по наитию, прикладывая микровзрывчатку не к несущим конструкциям (которых не было), а к точкам пространственного напряжения, которые чувствовал кожей.

Раздался не грохот, а тихий хлопок, как лопнувший мыльный пузырь. Обелиск погас. Искажения исчезли. На столе лежал просто кусок темного камня.

За бронестеклом воцарилась тишина, а потом — аплодисменты. Вошел генерал.

— Блестяще, Нильсон. Вы только что обезвредили аномалию, над которой бились три научных отдела. Ваш мозг... интегрируется в чужую логику. Ломает ее изнутри. Нам такой человек нужен в месте, где все законы — чужие. Где нужно не применять учебники, а писать их заново на лету. Проект «Горнило». Там вы столкнетесь с ловушками, которым нет названия. С архитектурой, ломающей мозг. Хотите испытать себя? Хотите создать новые правила?

Тим смотрел на безвредный камень. Внутри все горело от возмущения и... дикого, неудержимого любопытства.

— Я в деле, — просто сказал он.

Рядовой Илья «Таран» Брусков, два метра ростом и сто двадцать килограмм чистой мышцы, лежал прикованный к больничной койке. Его тело было покрыто свежими шрамами — последствия рукопашной с хроно-мутантом в разломе. Он должен был умереть. Но он выжил. И не просто выжил — его раны затягивались на глазах. Дар Тарана был грубым и яростным: чем больше адреналина и угрозы, тем выше его болевой порог, сила и регенерация. Он был идеальным штурмовиком. И живым щитом.

В палату вошел незнакомый офицер с холодными глазами.

— Рядовой Брусков. Медики в шоке. Вы истекали кровью, но ваше сердце не остановилось. Ваши сломанные кости начали срастаться в течение часа. Вы — чудо военной медицины. И кошмар для противника.

Илья молчал. Он помнил тот бой. Помнил экстаз, когда боль превращалась в топливо, а ярость — в броню. Помнил, как сломал хребет твари голыми руками. И помнил страх — страх из-за того, что ему это понравилось.

— Мы предлагаем вам место не просто в спецназе. Мы предлагаем вам стать основой. Стальным каркасом специальной группы, которая будет работать в аду, имя которому — Арена времени. Там вам не придется сдерживаться. Там вы сможете раскрыться на полную. Стать настоящим Тараном, сносящим любые стены. Защитником тех, кто слабее.

— Я... я не хочу терять контроль, — хрипло сказал Илья. — В том бою... я чуть не ударил своего.

— Контроль придет с опытом, — парировал офицер. — А опыт придет в «Горниле». Только там вы поймете, где заканчивается ваша человеческая часть и начинается... нечто большее. Хотите быть щитом? Или довольствоваться ролью рядового пушечного мяса, которого однажды разорвут, и он не успеет даже испугаться?

Илья сжал кулаки. Повязки на руках натянулись. Он видел лица своих товарищей по окопу, тех, кого он не смог прикрыть своим телом. Чувство долга, тяжелое и простое, как булыжник, перевесило внутренний страх.

— Я буду их щитом, — проревел он. — Что надо подписать?

Лана не была солдатом. Она была «активом» внешней разведки, специалистом по внедрению и вербовке в аномальных зонах. Ее Дар был социальным: она чувствовала эмоциональный «рисунок» человека, его слабые места, его тайные желания. Она была хамелеоном, способным стать кем угодно. За гибкость и умение выходить из сложных ситуаций ее прозвали Лиса.

Ее «собеседование» прошло в кабинете с зеркальным стеклом. На столе лежало досье с грифом «Ликвидировать» и фотографией ее последней неудачи — агента, который вышел из-под контроля и устроил бойню на чужой территории.

— Ваши навыки уникальны, Лана, — сказал невидимый голос из динамика. — Но ваша последняя операция показала: в обычном мире вы опасны. Вы играете с людьми, как с куклами. Но в особом мире... ваши таланты могут быть направлены в конструктивное русло.

— И что это за мир? — спросила она, сохраняя маску безразличия.

— Мир, где кроме людей есть нечто иное. Сущности. Фракции. Им нельзя приказывать. Ими нельзя управлять грубой силой. Ими можно только... манипулировать. Договариваться. Находить общий язык. Нужен переводчик. Переводчик с языка желаний, страхов и амбиций на язык взаимовыгодного соглашения. Нужен кто-то вроде вас.

Лана почувствовала интерес. Наконец-то вызов, достойный ее способностей.

— И кто будет моей целью?

— Во-первых, ваша собственная команда. Вы обеспечите ее внутреннюю спайку, будете гасить конфликты, считывать настроения. Вы будете «социальным клеем». А во-вторых... вы установите контакт с местными разумными формами Арены. Выясните, чего они хотят. Можно ли их склонить на нашу сторону. Или уничтожить, сыграв на их противоречиях.

— А кто мой командир?

На экране возникло фото Дариана. Суровое, усталое лицо, глаза, видевшие слишком много.

— Майор Дариан Кейн. Честный солдат. Скептик. Носитель ключевого Дара. Он будет вашим якорем. А вы — его гибкостью. Вы будете подчиняться ему, но ваши отчеты о психологическом состоянии группы и контактах будут поступать напрямую нам. Двойная лояльность. Справитесь?

Лана улыбнулась своей самой обезоруживающей улыбкой. Игра становилась по-настоящему сложной и интересной.

— Конечно справлюсь. Всегда справляюсь.

Старший лейтенант Сергей «Крест» Орлов, эталонный офицер, заслуженный мастер рукопашного боя и неукоснительный исполнитель устава, стоял перед трибуналом. Пока что в качестве свидетеля. Его взвод был почти полностью уничтожен в ходе выполнения приказа, который Сергей, чувствуя неладное, все же исполнил беспрекословно. Он выжил один. И теперь на него смотрели глаза вдов и матерей.

После заседания к нему подошел седовласый генерал, герой трех войн.

— Лейтенант Орлов. Вы поступили по уставу. Вы не виноваты. Виноват тот, кто отдал приказ, не обладая всей информацией. Но что, если бы у вас была вся информация? Что, если бы вы могли быть не просто слепым орудием, а последним фильтром, гарантом того, что приказ не только правильный, но и справедливый?

— Устав и есть справедливость, товарищ генерал, — автоматически ответил Сергей, хотя в душе все кричало от вины.

— В обычной войне — да. В той, куда мы вас зовем, — нет. Там приказы будут приходить от Базы, которая не видит всей картины. Ваш командир, майор Дариан. Вы уже работали с ним ранее. В новой миссии вам снова придется присоединиться к его отряду. Дариан будет обладать интуицией, но может колебаться. Вы станете его совестью. Столпом дисциплины. Вы будете следить, чтобы группа не скатилась в анархию. Вы будете напоминать им, кто они и зачем пришли. Вы — «Крест», на котором будет держаться моральный дух. Вы согласны нести его?

Для Сергея это был выход. Искушение. Шанс превратить слепое следование уставу в осмысленное служение долгу внутри команды. Стать не просто исполнителем, а хранителем.

— Согласен, генерал. Я буду их крестом. И их щитом от беззакония.

— Отлично. Добро пожаловать в проект «Горнило». Там ваша вера пройдет испытание огнем.

Сергей вздохнул. Он не видел Дариана очень давно. Дружбы между ними не сложилось, но Сергей уважал Ястреба как командира и солдата.

— Ну, что ж, послужим снова вместе, — пробормотал Крест.

Тьма отступила так же внезапно, как и накрыла. Дариан вздохнул, словно вынырнув из ледяной глубины. Он стоял на том же месте. Вокруг, пошатываясь, поднимались другие члены отряда. Их лица были бледны, глаза полны чужих воспоминаний и внезапного, мучительного понимания.

Они смотрели друг на друга. И в этом молчаливом взгляде была страшная правда: их собрали не случайно. Каждого — выдернули из старой жизни, сыграв на самом больном, самом важном. На долге. На амбициях. На страхе. На любопытстве. На желании искупить вину. На жажде силы.

Их команда была коллекцией сломанных инструментов, собранных для работы в Бесконечной Кузнице. И теперь, увидев изнанку друг друга, они уже не могли делать вид, что все это — просто служба.

— Обстановка? — хрипло спросил Дариан, ломая тягостное молчание.

Рита, все еще прижимая ладони к вискам, прошептала:

— Тишина. Полная. Эфир... мертв. И я... я слышу только наше дыхание. И еще что-то. Далекое. Как... биение огромного сердца.

Она посмотрела на Дариана, и в ее глазах была та самая статика, тот самый ужас из прошлого.

— Оно дышит, — просто сказала она. — Кузница. Она живая.

Стены тоннеля заструились, засветились изнутри прожилками кровавого света. Воздух затрепетал. Арена, поглотив их прошлое, была готова предъявить счет в настоящем.

Отряд «Титан», спрессованный общей тьмой и обнаженными тайнами, инстинктивно сдвинулся в боевой порядок. Теперь они были связаны не только приказом. Их связала тьма, показавшая, что у каждого за спиной — своя бездна. И только держась вместе, они могли не упасть в нее снова.

Глава 6. Пробуждение в аду

Разрыв реальности сомкнулся за их спинами. Туннель, что привел их сюда, обрушился с финальным, глухим стоном, завалив выход тоннами камня и окончательной, бесповоротной тишиной. Обратного пути не существовало.

— Выбора у нас нет, — голос Дариана был спокоен, как поверхность озера в безветренную погоду, но в этой тишине он прозвучал громко и четко, как удар клинка о камень. Его глаза, холодные и оценивающие, скользнули по лицам бойцов. — Выдвигаемся. Призрак, вперед на разведку, сразу за порталом. Тридцать секунд на осмотр местности, потом сигнал «чисто» или немедленный отход. Остальные — интервал три метра, оружие на изготовку, готовность к немедленному контакту с противником. Вперед.

— Стоп! — Призрак остановился и посмотрел за спину Дариана. — А это еще кто? Все обернулись.

— Крест? — Дариан не мог верить своим глазам — Это действительно ты?

— Дариан Кейн? — Крест внимательно смотрел на старого знакомого. — Где это я?

— Хороший вопрос, — усмехнулся Дариан, — самим бы знать ответ.

— А мне интереснее, откуда ты, черт подери, взялся? — Призрак наставил на незнакомца винтовку.

— Как я понял, меня прикрепили к вашему отряду. — Крест осматривал тоннель, в качестве помощи.

— А нам не нужна помощь, — оскалился Призрак, — и без тебя справлялись!

— Я вижу, — парировал Крест, — так справлялись, что угодили неизвестно куда!

Призрак резко передернул затвор винтовки.

— Еще слово, и я тебе башку снесу! — зло выплюнул он.

— Отставить! — Кейн встал между Марко и Сергеем. — Какая к черту разница, как Крест тут очутился? По крайней мере пока. Потом с этим разберемся. Сейчас наша задача выбраться на поверхность и понять, где мы. Затем понять, зачем мы здесь и, в конце концов, как нам отсюда выбраться!

Призрак нехотя опустил винтовку, Крест убрал руки с пистолетов, висевших у него на поясе.

— Отлично. — Кейн хлопнул Креста по плечу. — Рад, что ты здесь! Еще один боец нам не помешает.

— Прости, но разделить твою радость я не могу, — усмехнулся Крест, — может быть, позднее.

— Выдвигаемся. Призрак первым, за ним Таран, Крест замыкающий, остальные в свободном порядке за Илей! Марш!

Прибавивший в численности отряд двинулся по тоннелю. Теплый влажный воздух встречал их.

Ощущения при выходе из тоннеля были не самыми приятными — похожим на падение сквозь слои мокрой, липкой паутины, которая облепляла лицо, проникала под броню. Давила тишина, и вдруг — резкий переход. Твердая, вязкая почва под ногами, давящая странность тройного солнца, висящих в лиловом, ядовитом небе, и странный воздух. Воздух был густым, как бульон, и насыщенным до тошноты: сладковатый запах гнилой листвы, едкая химическая нота и... под ней, ярким аккордом, — знакомый горький запах пороха и гари.

Они стояли на невысоком холме, поросшем чахлыми, искривленными деревьями с черной, потрескавшейся корой, напоминавшей обгоревшую кожу. И ни звука. Казалось, сам мир затаил дыхание.

— Что за ад... — начала Лиса, инстинктивно отступая на шаг назад.

Если бы это была пуля... Это был яростный, рвущий воздух визг, от которого сжимались зубы. Призрак, уже растворившийся в тени у подножия ближайшего дерева, инстинктивно дернул головой влево. В сантиметре от его виска, прямо на уровне глаза, кора черного ствола взорвалась веером острых, длинных щеп. В сердцевину дерева, с глухим чавкающим звуком, вонзилась толстая стальная болванка с оперением — бронебойная стрела тяжелого арбалета, способная насквозь пробить стальную кирасу. Дерево содрогнулось, и смола медленно потекла из раны.

Отряд среагировал мгновенно. Все сразу поняли: это был не предупредительный выстрел.

— Контакт! Левый фланг, дальняя дистанция! — выкрикнул Дариан, резко разбив оцепенение. Отряд, ведомый годами муштры и вбитыми в подкорку инстинктами, рассыпался, как ртуть, каждый боец нашел свое укрытие: Таран завалился за каменный выступ, Лиса мгновенно оказалась в лощине, используя естественный рельеф. Остальные укрылись за деревьями.

И тут их накрыл второй, куда более глубокий шок — калейдоскоп чистого, визуального безумия.

Из-за искривленных стволов чащи внизу вверх по склону с ревом, нечленораздельными криками и воплями на десятке незнакомых языков, на них летела атака. Но это не была армия. Это был сброд, кошмарный, безумный парад всей военной истории человечества, сошедший с ума.

Справа, лязгая кольчугой, бежали двое в ржавых, закрытых норманнских шлемах с наносниками. В их руках сверкали огромные топоры с широким лезвием. За ними, пригибаясь и перебегая от дерева к дереву с неестественной для такой экипировки скоростью, двигался солдат в потрепанной серо-зеленой форме вермахта, с «Шмайссером» MP-40 наперевес. Чуть левее, тяжелой, мерной поступью шла фигура в латах готического стиля, отполированных до синеватого блеска. Двуручный меч, длиннее его самого, был занесен для удара. Рядом с «рыцарем» скакал, издавая дикие гортанные крики, дикарь в звериных шкурах, с бронзовым окровавленным тесаком в одной руке и плетеным щитом в другой. Где-то сзади хлопали выстрелы из винтовки Мосина, смешиваясь с тяжелыми, дымными залпами кремневого мушкета, а над всей этой какофонией звуков пронзительно, как цикада, визжала очередь из какого-то импульсного карабина.

Быстрая адаптация. Мозг Дариана, отточенный инструмент выживания, отсек шок. Его сознание, острый как бритва скальпель, мгновенно проанализировало угрозы, рассортировав их по степени опасности, по скорости и по потенциалу разрушения. Средневековый доспех — угроза в ближнем бою, но уязвим для современного оружия. «Шмайссер» — высокая скорострельность, опасен на средней дистанции. Импульсный карабин — самая опасная штука.

— Огонь на подавление! — рявкнул Дариан, его импульсный автомат уже уперся в плечо. — Приоритет — современное и энергетическое оружие! Лиса, дикарь с тесаком и мушкетер в треуголке — твои! Таран, Крест, встречайте «рыцарей» и топорников, не дайте им сомкнуть дистанцию! Призрак, снайпер с Мосинкой и тот в скафандре! Я беру на себя автоматчика и общее прикрытие! Рита, Тим, Док — остаетесь здесь!

Команды работали как ключи, запустившие отлаженный, смертоносный механизм. Шок сменился холодной, ясной целеустремленностью.

Дариан стал осью, стержнем обороны. Он припал на одно колено, используя низкий куст черного папоротника как дополнительное укрытие. Его автомат, привычный к тесным боям в подземельях и городских руинах, заговорил короткими, экономными, но невероятно точными очередями по два-три выстрела.

Солдат вермахта, сделавший очередную перебежку, попытался занять позицию за валуном. Он лишь на мгновение показал плечо и часть каски. Этого хватило. Очередь Дариана легла веером: первая пуля чиркнула по камню, высекая сноп искр, вторая ударила в край каски,

отбросив голову солдата назад, а третья вошла чуть ниже, в основание шеи, где не было защиты. Солдат осел, и его «Шмайссер» умолк. Дариан уже не смотрел на него. Его взгляд метнулся к автоматчику. Тот, ведя беспорядочный огонь, прожигал стволы деревьев ярко-синими сгустками энергии, от которых вспыхивали сухие ветки. Дариан дал длинную очередь по его позиции, не столько чтобы попасть, сколько чтобы заставить того залечь, прекратить давление на их фланг. Свинцовый град заставил скафандр отпрянуть за толстый ствол.

Взгляд Дариана, будто радар, сканировал поле боя. Он видел, как Лиса меняет позицию после выстрела, как Таран готовится к столкновению, как где-то на периферии мелькает тень — Призрак. Дариан связывал разрозненные действия отряда в единую тактическую ткань, его голос, спокойный и четкий, звучал в микронаушниках:

— Таран, слева к тебе идет второй топор, дистанция десять метров. Лиса, мушкетер перезаряжается у поваленного дерева. Призрак, снайпер на высокой сосне, сектор три-пять.

Мир Лисы сузился до размеров оптического прицела. Все остальное — шум, дикие крики, лязг металла, запах — исчезло, отодвинулось за непроницаемую стену концентрации. Остались только четкое перекрестие, мушка, контролируемое дыхание и ровный, чуть замедленный стук ее собственного сердца. Она лежала в неглубокой ложине, земля была холодной и влажной. Щека плотно прижата к прикладу, палец обнимал спусковой крючок ногтевой фалангой.

Первая цель: дикарь в шкурах. Он был ближе всех, яростный и быстрый, его бронзовый тесак сверкал в лиловом свете. Он несясь прямо на позицию Тарана, не видя ее. Лиса поймала его в перекрестие. Не торопясь. Вдох. Медленный выдох. В паузе между ударами сердца, когда мир замирает, она плавно, без рывка, нажала на спуск. СВД дернулась, отдаваясь привычным, мощным толчком в плечо. Звук выстрела для нее был приглушенным, далеким. Она видела, как на груди дикаря, чуть левее центра, взметнулся клочок шкуры и темная крапина. Он как будто споткнулся на полном ходу, его ноги подкосились, и он грузно рухнул лицом в черную землю, выпустив из рук щит.

Лиса уже сдвинула винтовку. Мушкетер. Он был дальше, укрывался за толстым, поваленным стволом. Девушка видела, как он суетливо засыпал порох из рога в дуло мушкетона, затем начал забивать шомполом пулю и пыж. Он не торопился, и она ждала. Она взяла поправку на ветер и на дистанцию. Он поднялся, приложил тяжелое оружие к щеке, пытаясь прицелиться в сторону Дариана. Его кираса из потускневших металлических пластин блеснула. Лиса выстрелила. Пуля ударила в основание горла, где кожаный воротник и сталь сходились, образуя щель. Мушкетер откинулся назад, его выстрел ушел в лиловое небо, а сам он исчез за бревном. Методично, холодно, без тени эмоций, она выключала ближайшие угрозы, расчищая пространство для маневра своих, работая как точный, безотказный инструмент.

Когда первый норманн с топором, игнорируя пули Лисы, свистящие мимо, с ревом, похожим на медвежий, обрушился на него, Таран не отступил ни на шаг. Отступать было некуда — за его спиной были Лиса и фланг Дариана. Он был скалой, и скалы не отступают.

Топор, описав страшную дугу, со свистом рухнул вниз. Таран, с его кажущейся неповоротливостью, двинулся не назад, а вперед-вбок, подставляя не тело, а свое оружие. Он встретил ударную часть топора прикладом своего пулемета. Лязг удара был оглушительным, искры брызнули с полимерного приклада.

Норманн, ожидавший, что топор либо разрубит врага, либо застрянет в нем, на миг потерял равновесие, его руки онемели от отдачи. Этого мига хватило. Таран, продолжая движение, с ловкостью, которую сложно было ожидать от человека его комплекции, развернул пулемет на стволе, как рычаг, и нанес короткий, акцентированный удар дульным тормозом-компенсатором прямо в забрало норманнского шлема. Раздался звук, похожий на удар молотком по котелку. Сталь забрала прогнулась внутрь. Из-под шлема вырвался хриплый, пузырящийся стон. Воин закачался.

Таран не стал добивать его. Его периферийное зрение уже зафиксировало второго воина, того, что в готических латах, который, разогнав свой двуручный меч, шел на него тяжелой, неспешной поступью, рассчитывая на инерцию и массу. Пулемет в ближнем бою — громоздкое оружие довольно неудобное. Но у Тарана был свой расчет. Он резко опустил на одно колено, освобождая линию огня, и коротко, почти в упор, нажал на спуск.

Короткая, но сокрушительная очередь из трех-четырех патронов ударила в центр латной груди. Первая пуля, попав под прямым углом, оставила глубокую вмятину и срикошетила. Вторая и третья, попав в чуть деформированную уже сталь, проббили ее, как консервную банку. Рыцарь остановился, как вкопанный. Его меч выпал из ослабевших рук и воткнулся в землю. Он простоял так еще секунду, затем медленно, словно подкошенный дуб, рухнул набок, с грохотом лат. Таран уже встал, перезаряжая ленту, его дыхание было чуть учащенным, но руки были готовы. Он был непоколебимым утесом, о который разбивалась любая, даже самая яростная, средневековая ярость.

Призрак исчез. Оправдывая свой позывной, он растворился, стал частью пейзажа, удлиненной тенью от черного дерева, шевелением папоротника. Его миром стали не образы, а звуки и ощущения: хруст ветки под неуклюжим сапогом в двадцати метрах слева, тяжелое, дыхание кого-то, прячущегося выше по склону, легкий металлический лязг затвора. Как и всегда в бою, чувства обострились, тонкий слух выделял в какофонии битвы необходимые звуки.

Снайпер с винтовкой Мосина устроился на развилке двух толстых сучков «сосны» метров на пять выше уровня земли. Он был хорош — использовал естественное укрытие, его шинель сливалась с корой. Но он был сосредоточен на поле боя внизу, на силуэтах Дариана и Тарана. Он не думал о том, что угроза может прийти сзади и сверху.

Призрак двигался не по земле, а по стволам, используя свою невероятную ловкость и силу. Он был как пума, бесшумная и смертоносная. Его черный, матовый камуфляж делал его невидимкой среди лесных теней. Он подобрался с тыла, с противоположной от поля боя стороны дерева. Снайпер слышал легкий скрежет когтей по коре (специальные накладные перчатки Призрака) лишь в последний момент. Он начал оборачиваться, но было поздно. Из тени за его спиной возникла рука в черной перчатке. Не с ножом — с ним было неудобно в такой позиции. Призрак использовал прочную, тонкую стропу. Мгновенное, профессиональное движение — и петля затянулась на горле стрелка. Хрип, отчаянный, но тихий, судорожная попытка вцепиться в петлю, несколько конвульсивных дерганий ногами — и тело обмякло, повиснув на ремнях.

Призрак уже сползал вниз, как тень. Его следующая цель — скафандр. Он стрелял наугад, длинными очередями, прожигая синими вспышками дерева вокруг, поджигая сухую листву. Световые вспышки и дым работали против него, выдавая его позицию и ослепляя его самого. Призрак не стрелял. Он наблюдал. Он видел, как после каждой длинной очереди блок питания на спине скафандра мигал тревожным красным светом, а ствол карабина дымился. Он просто ждал подходящего момента.

И момент настал. Скафандр, отстреляв очередную очередь, схватился за блок питания, пытаясь сменить перегревшийся элемент. На секунду его внимание отвлеклось, движения стали неловкими, суетливыми. Этого хватило. Призрак, уже занявший позицию в десяти метрах сбоку, где его не ждали, поднял свой бесшумный «Винторез». Он не видел лица в затемненном забрале. Он видел узкую щель для обзора. Дыхание замерло. Выстрел. Звук был похож на хлопок в ладоши, потерявшийся в общем грохоте боя. Стекло забрала покрылось паутиной трещин и забрызгалось изнутри чем-то темным. Футуристический карабин выпал из обмякших рук, и тяжелая фигура в скафандре осела на землю, издав последний, шипящий звук сжимаемого воздуха.

Кейн, Таран, Лиса и Призрак осматривали убитых. К ним присоединились Рита, Тим и Док, которые в бою участия не принимали, прикрывая бойцов.

— А где твой знакомый? Ну который Крест? — Лиса посмотрела на Дариана.

В этот момент послышался звук пистолетных выстрелов. Группа быстро направилась к источнику звука.

Крест стоял на небольшой поляне. Руки его были опущены, в ладонях были зажаты пистолеты, из их стволов еще валил дым. На поляне вокруг Креста лежало с десятков тел. То были солдаты и воины разных эпох: викинги, эллинские гоплиты, пара воинов в доспехах Римской империи, были и солдаты в странной форме, временную принадлежность которой Дариан не мог определить.

— Это ты их всех? — в голосе Тарана слышалось уважение.

— Мне пришлось, — ответил Крест, — в переговоры они вступать отказались.

Крест отточенным движением перезарядил свое оружие. Затем крутнул пистолеты, словно ковбой из старых фильмов и неуловимо быстрым движением поместил их в кобуру.

Бой был стремительным, но для каждого из них это была отдельная вечность, наполненная адреналином, концентрацией, холодным расчетом и животным инстинктом выживания. Хаотичная, безумная волна нападавших, лишенная тактики и единого командования, разбилась о железную дисциплину, отточенную тактику и холодную, профессиональную ярость отряда.

Последним упал солдат вермахта — тот, что был ранен Дарианом. Он попытался подняться, чтобы швырнуть гранату в сторону Лисы. Его заметил Дариан. Еще одна короткая очередь. Три пули. Солдат дернулся и замер. Граната выкатилась из его ослабевшей руки и упала рядом, безобидная, пока не взведен ее взрыватель.

После грома боя, привычные звуки леса, показались тишиной. В воздухе разливался запах пороха, горячего металла и крови.

Отряд, ведомый Дарианом занял позицию на невысоком холме, в стороне от места боя. Пальцы все еще покоились на спусковых крючках. Глаза сканировали чашу, ища движение. Дариан медленно, с видимым усилием, поднялся во весь рост. Его поза была все так же собранной, но в уголках глаз залегла глубокая усталость. Он осматривал поле боя, усеянное телами в разноплеменном, разновременном, абсурдном обмундировании. Норманнский шлем лежал рядом с каской вермахта, двуручный меч — возле импульсного карабина. Это было сюрреалистичное, кошмарное нагромождение эпох и технологий, смешанных в кровавом фарше.

— Отчет по раненым и расходу, — скомандовал он, и в его голосе, сквозь командирскую твердость, впервые для них прозвучала человеческая, глубокая усталость.

— Таран. Цел. Расход — полторы ленты, — отозвался пулеметчик, проверяя ствол своего пулемета.

— Лиса. Не ранена. Четыре патрона, — тихо сказала Лана.

— Призрак. В порядке. Два патрона, — донесся безэмоциональный голос.

— Дариан. Ранен. — Он сказал это так же спокойно, как и все остальное. Все головы повернулись к нему. Он показал на левое предплечье, где ткань камуфляжа была прожжена и почернела. Под ней виднелся красный, волдырящийся ожог. — Шрапнель или осколок камня от рикошета. Пустяк.

Док подошел к Дариану и осмотрел рану.

— Ничего серьезного, кость не задета, небольшой разрыв тканей и ожог, — констатировал Док, — сейчас повязку наложу. Через пару часов даже и думать об этой царапине забудешь.

Дариан кивнул медику.

Они выжили. Они адаптировались к первому, самому жестокому правилу этого места — правилу боя. Они отбили первую, пробную атаку этого безумного мира.

Но, глядя на лиловое, чужое небо, на три безжалостных солнца, холодно взиравших на эту бойню, Дариан понял то, что, возможно, уже понимали и остальные, но боялись озвучить. Это не было случайной стычкой. Это была проверка. Ловушка. Или, что хуже, — обычный,

будничным способом существования здесь. И тот, кто послал этот пестрый сброд, уже знал о их появлении. Этот бой был лишь первым, пробным ударом кулака по щиту. Настоящая битва, настоящий кошмар этого ада — был еще впереди. И они, израсходовавшие боеприпасы, раненые, отрезанные от дома, были всего лишь зернышками, занесенными в чужую, безжалостную жерновую мельницу.

— Призрак, периметр на пятьдесят метров. Быстро и тихо. Таран, собери все, что может пригодиться: боеприпасы, гранаты, аптечки, еду. Рита и Тим наблюдение за периметром. Док осмотри всех, мало ли не заметили повреждений.

Команды были отданы ровным, уставшим голосом, но они действовали безотказно. Отряд пришел в движение, как изношенный, но все еще точный механизм. Призрак растворился в сумерках, Таран, сняв свой шлем и вытирая пот с бритых висков, начал методично обыскивать тела, его лицо было каменной маской отвращения и необходимости. Лиса привалилась спиной к толстому дереву и прикрыла глаза.

Дариан сел на камень, снял разгрузку и расстегнул рукав. Ожог был болезненным, но неглубоким. Док подошел к нему и достал из аптечки антисептик и бинт. Жидкость шипела на обожженной коже, но Дариан даже не моргнул, лишь стиснул зубы. пальцы Дока, привычные к подобным процедурам, быстро и аккуратно наложили повязку.

Через десять минут Таран вернулся, неся в руках несколько подсумков и странный, обугленный блок питания от скафандра.

— Ничего путного, — хрипло проговорил он, сбрасывая трофеи на землю. — Патронов к «Шмайссеру» — три обоймы. К Мосинке — штук двадцать, но они какие-то... старые. Гильзы медные, пахнут не так. У рыцарей — только холодняк. У этого... космонавта. — Таран пнул ногой скафандр. — Оружие расплавилось вместе с рукой. Блок питания мертвый. Еды нет. Только у немца был кусок черного хлеба, похожего на камень, и банка с какими-то червяками вместо тушенки.

Он помолчал, глядя на собранное.

Дариан немного помолчал.

— Очевидно, что это была не скоординированная атака, — заключил он, — никакой подготовки не было. Нас заметили и просто бросились в бой.

— Как голодные псы, — тихо сказала Лиса. — Никаких признаков организованного подхода, никаких сигналов. Они просто... вылезли из чащи и пошли в атаку. Как стая.

Из тени за камнем материализовался Призрак.

— Периметр чист. На сто метров — только мертвые. Следы ведут вглубь леса, в ту сторону. — Он кивнул на юг, где чаща сгустилась в почти непроглядную стену. — Следы старые, многочисленные, перемешаны. Это тропа. По ней явно ходят часто.

Он помолчал, а затем добавил то, что все уже видели, но не решались сказать:

— Они были разными. Из разных времен. Но все... испуганные. Даже когда кричали. В их глазах был не боевой азарт, а... отчаяние. Голод. Безумие.

Дариан повел плечом, проверяя удобно ли лежит на ране повязка. Его лицо в свете тройных солнц казалось высеченным из серого гранита.

— Значит, предположение первое, — начал он, и его голос звучал как доклад на разборе полетов, только полет этот был в преисподнюю. — Мы не в нашем мире. И не в нашем времени. Портал выбросил нас куда-то, где смешаны эпохи, технологии и, судя по всему, люди.

— Ну, прекрасно, — хмыкнул Таран. — Как в той старой компьютерной игре. Вселенная, где все намешано в кучу.

— Возможно, — кивнул Дариан. — Но в игре есть правила, логика. Здесь... — Он обвел рукой поле боя. — Здесь я вижу только хаос. И первое правило хаоса — сильный пожирает

слабого. Эти... обитатели. Они напали на нас не потому, что мы враги. Мы новая добыча. Новый источник ресурсов. Оружия, патронов, ткани, еды.

Лиса откинула со лба прядь волос. Ее лицо было бледным.

— Значит, мы теперь тоже часть этой... пищевой цепочки? Дичь, на которую охотятся все подряд?

— Пока мы вооружены и вместе — мы не дичь, — твердо сказал Дариан. — Мы хищники. Но хищники в чужом лесу, без карты и без понимания правил.

Он поднялся, разминая затекшую шею.

— Этот мир не может быть полностью бесструктурным. Хаос такого масштаба самоуничтожился бы за неделю. Должны быть очаги порядка. Базы. Поселения. Те, кто контролирует ресурсы. Возможно, те, кто строит или открывает такие порталы.

— Значит нам надо найти этих кукловодов, тех, кто нас сюда забросил? — спросил Призрак, и в его обычно бесстрастном голосе прозвучала первая нота живого интереса, смешанного с опасением. — Найти и уничтожить?

— Или уничтожат нас. — Рита и Тим вернулись к отряду.

— Неважно, мы пока не знаем, сколько врагов ждет нас здесь, не знаем какими ресурсами и оружием обладают, те, кто все это организовал.

— И мне интересно — какова же их конечная цель? — Тим поддержал Риту. — Вряд ли кто-то тратит столько времени и сил просто чтобы посмотреть, как люди друг друга убивают.

— Пока не будем строить по этому поводу догадок, — отрезал Дариан. — Важно, что мы здесь. И нам нужно выжить. А для выживания нужны три вещи: укрытие, вода, информация. Когда у нас все это будет, начнем думать, что делать дальше и как отсюда выбираться.

Он посмотрел на собранные Тараном жалкие трофеи.

— Забираем все, — приказал Дариан, — и выдвигаемся. Нужно подняться выше, осмотреться.

Отряд быстро собрался, подняв с земли все, что притащил Таран, и зашагал за своим командиром.

Глава 7. Ржавчина и магия

Дариан шагал впереди отряда, сжимая в руках древний автомат. Его дробовик был закинут за спину — Дариан решил, что боеприпасы к нему следует экономить.

Древний автомат казался ему тяжелее с каждым часом. Не физически, но морально. Каждый грамм этого оружия напоминал о мире, которого больше не существовало. Лес вокруг был чужим до костей. Кора деревьев была покрыта пульсирующими сине-фиолетовыми венами, словно вся растительность здесь была пронизана чужой кровеносной системой. Воздух пропитан смесью свежести после грозы и разлагающейся плоти. Земля под ногами хлюпала, словно живая, иногда выпуская пузыри странного газа, от которого слезились глаза.

Они шли уже третий час, и предчувствие — этот проклятый Дар, из-за которого он здесь и оказался, — ныло в висках, предупреждая о беде. Но пока что беда была повсюду, и самая коварная исходила от их же снаряжения. Техника подводила методично, как будто сам этот мир отторгал все, созданное по законам известной им физики.

— Док, статус отряда? Меня интересуют медицинские показатели — бросил Дариан через плечо, не оборачиваясь. Его взгляд скользил по деревьям, выискивая движение в полумраке меж стволов. Свет здесь был странным, три солнца окрашивали все в зеленовато-серые тона.

Макс приблизился к командиру:

— Стабильно. Здесь пригодная для дыхания атмосфера, давление, гравитация, даже с учетом трех солнц уровень радиации превышен незначительно. Я бы мог назвать это место даже довольно дружелюбным к человеку, если бы...

— Ну да, если бы нас не пытались убить совсем недавно, — хмыкнул Дариан, — ладно, разберемся с этим. Макс, каждый привал осматривай всех, по возможности мониторь состояние бойцов. О любых отклонениях сразу докладывай мне.

Док козырнул и отстал от командира, о чем-то заговорив с Тимом.

Дариан крепко сжал челюсти.

Отряд растянулся цепью, соблюдая интервалы, но дисциплина давала трещины под гнетом постоянной, выматывающей странности. Лана шла на правом фланге, сканируя окрестности своим острым, натренированным взглядом, подкрепленным тем, что она называла «прагматичной паранойей». Призрак двигался на левом фланге, даже Дариан с трудом различал его силуэт, скользящий между стволов. Рита шла в центре, то и дело прижимая к уху рацию, надеясь поймать что-то вразумительное в местном радиополе. Тим замыкал колонну, неся на спине рюкзак, набитый взрывчаткой и инструментами. Док уже отошел от него, и теперь беседовал с новым членом отряда — Крестом. Илья шагал позади Риты, пристально всматриваясь в заросли. Девушка была слишком поглощена рацией и помехами, что в ней слышались и явно не была достаточно бдительной. Так что Илья оберегал ее от неожиданностей.

Первый серьезный сбой случился полчаса назад. Отряду удалось одолеть противника, не понеся серьезных потерь, но тревога среди бойцов нарастала — не ясно было, где они находятся, кто их главный противник и как отсюда выбираться. Незнание и сомнения подтачивали волю и дисциплину. Дариан давно усвоил, что нельзя давать бойцам слишком много думать, вернее нельзя давать им думать о неизвестном. У каждого должна быть строгая задача, с которой он справится: идти, бежать, тащить, стрелять. Реальность, даже неизвестная, пугающая, разбитая на четкие приказы переставала быть непонятной. Приказ, который надо выполнять, давал ощущение контроля над ситуацией.

На привале к Дариану подошел Док и доложил, что показатели всех членов отряда в норме.

Тим в это время разложил на плоском камне свое оборудование.

— Что за дерьмо? — ворчал Тим, ковыряясь в своем рюкзаке в поисках хоть чего-то работоспособного. Его лицо, обычно спокойное и расчетливое, было искажено досадой и любопытством ученого, столкнувшегося с невозможным. — Командир, что-то странное здесь.

— Ты о чем? — Кейн внимательно смотрел на подрывника

— О том, что с оборудованием что-то не так. — Тим вдруг схватил кусок пластичной взрывчатки, резко воткнул в него короткий взрыватель и нажал кнопку активации.

— Ты сдурел? — заорал Док, стоявший рядом.

Тим размахнулся и швырнул взрывчатку в ближайшее дерево.

Отряд мгновенно залег. Дариан накрыл голову руками, ожидая страшного взрыва. Секунда, две, десять — ничего! Тишина. Никакого взрыва не было!

— Вставайте, — слышался обескураженный голос Тима.

Все поднялись на ноги, посылая проклятья в сторону подрывника.

— Ты объяснишь? — Дариан напряженно смотрел на Тима.

— Ничего не взорвалось! — ответил Тим.

— Это мы заметили, — рыкнул Илья, — в противном случае задавать тебе вопросы было бы некому!

— Реагенты и приборы — не работают, — сказал Тим, — это место, не знаю, как это назвать, меняет наше снаряжение. Наверное.

— Всем проверить оружие и приборы, — приказал Дариан, — затем доклад.

Минут десять все озабоченно проверяли оружие.

— Тим прав, — заговорил Илья, — что-то здесь не так с пушками. Я свой пулемет разбираю и собираю от винтика до винтика. Я его наизусть знаю, уже давно он для меня стал чем-то вроде части тела, ну то есть я почти всегда могу предугадать, когда может заклинить ствол, или когда начнется перегрев, мне для этого и на приборы-то смотреть не надо. А сейчас это будто чужое оружие, у меня нет с ним связи, простите за пафос.

— Илья прав, — заговорила следующей Лана, — все оружие и приборы ведут себя странно, они словно меняются.

— Именно, — фыркнул Призрак, не отрываясь от своего неисправного прицела. Его голос был холодным, как всегда, но теперь в нем звучала не просто рациональная жестокость, а некое фаталистическое принятие. — Первое и единственное правило Арены: адаптируйся или сдохни. Оружие здесь эволюционирует, становится другим. Чтобы им пользоваться, нам, видимо, тоже придется измениться. Сантименты к железу нас убьют раньше любой твари.

Дариан хотел, сказать что-то о дисциплине и сохранении ресурсов, но в этот момент предчувствие кольнуло его острее, чем когда-либо. Это было не смутное беспокойство, а четкий, болезненный укол в висок. Шорох. Не ветер. Множественные шаги. Слева среди деревьев и сверху, в кронах. Голод.

— Контакт! — пронзительно крикнула Лана, ее голос сорвался на высокую ноту. — Наземные, слева, десяток! Летающие сверху, пикируют с крон!

Из чащи внезапно вырвалась стая наземных тварей. Их было сложно описать однозначно. Телом они напоминали мускулистых гиен, но покрыты были не шерстью, а хитиновым панцирем цвета запекшейся крови, испещренным трещинами, из которых сочилась едкая слизь. Лапы заканчивались не когтями, а чем-то вроде серповидных клешней, оставлявших на земле глубокие борозды. Пасти были огромными, с рядами вращающихся, как у мясорубки, жвал, капающих кислотой, которая дымилась на мху. Глаз не было — только ямки-рецепторы, беспорядочно дергающиеся на мордах.

А с деревьев, с тихим шелестом перепончатых крыльев, пикировали летающие твари. Они походили на пародию на гарпий: человекообразный торс, покрытый перьями гнило-зеленого оттенка, переходил в птичьи лапы с длинными, как боевые ножи, когтями. Лица были вытянутыми, с клювами, полными игловидных зубов, а глаза — огромными, пол-

ностью черными, без белка и зрачка. Они не кричали, а издавали высокочастотный писк, от которого начинали ныть зубы.

Их было много. Неразумных, но скоординированных, движимых единым голодом. Десятки.

— Огонь экономить! — рявкнул Дариан, срывая с плеча винтовку. — Рукопашка прежде всего! Крест, Таран на позиции! Встаем кучнее!

Илья уже знал свою позицию и теперь водил дулом пулемета от одной твари к другой, нажимая на спусковой крючок без команды. Рядом с ним стоял Сергей, пистолеты он не доставал. В его руке оказалась увесистая дубинка с шипами на конце.

Отряд сомкнулся в оборонительный круг. Дариан встретил первого наземного монстра не выстрелом, а мощным ударом приклада в «лицо». Хитин хрустнул удовлетворительно, но жвалы кланули в сантиметре от его руки, брызнув кислотой на бронежилет. Ткань начала шипеть и тлеть. Лана метнула свой тяжелый боевой нож с убийственной точностью — клинок вошел в черный глаз пикирующей гарпии по самую рукоять. Тварь рухнула, издав предсмертный визг, а Лиса уже выхватывала запасной нож. Тим активировал и швырнул ослепляющую гранату. Вспышка в этом странном свете была не столь яркой, но все же заставила тварей замереть на миг, будучи дезориентированными. Рита стреляла короткими, экономными очередями, целясь в сочленения лап и основания крыльев. Ее лицо было бледным, но губы сжаты в тонкую решительную линию. Док отстреливался из пистолета. Сергей дубинкой проламывал тварям черепа, он двигался с механической точностью, рука его опускалась и очередной монстр падал бездыханным, словно Сергей не сражался, а дрова рубил на заднем дворе своего дома.

Но патроны таяли с пугающей скоростью. Каждый выстрел отзывался в голове Дариана эхом: «Экономь, дурак, экономь! Ищи укрытие!». Его Дар настойчиво тянул его взгляд вперед, сквозь чашу. Там, в двухстах метрах, скальный выход, темный провал пещеры. Укрытие. Шанс.

Именно тогда Призрак нарушил порядок.

Он не присоединился к кругу. Вместо этого снайпер отступил на несколько шагов, заняв позицию на колене за полуразвалившимся валуном, покрытым мхом-биолюминесценцией. Его винтовка была направлена не на наземную мелочь, а вверх, на летающих монстров. Он выцелил самую крупную гарпию — ту, что с размахом кожистых крыльев в три метра, кружила выше других, словно командир стаи. Дыхание Призрака стало ровным, почти отсутствующим. Палец плавно нажал на спуск.

Грянул резкий и громкий выстрел. Бронебойная пуля ударила тварь в центр груди. Но вместо фонтана крови и перьев точка попадания вспыхнула ослепительным синим светом, будто внутри монстра сдетонировал небольшой энергетический заряд. Гарпия взорвалась в воздухе, осыпав все вокруг дождем искр, обгоревших перьев и капель светящейся жидкости. А винтовка Призрака отозвалась. Рукоятка, которую он сжимал, пульсировала тем же фиолетовым светом. Сбившийся было прицел резко шелкнул, стабилизировался, показывая теперь идеально четкую картинку. Затвор передернулся сам, выбрасывая гильзу, которая, падая, рассыпалась в пыль. В патроннике засветился новый боеприпас — не металлический, а сгусток энергии.

— Призрак! — заорал Дариан, отбрасывая ударом приклада очередную гиену-мутанта. — Я сказал экономить патроны! Врукопашную!

Снайпер даже не взглянул на него. Легкая, почти безумная усмешка тронула его губы. Он снова прицелился — теперь в сгустившуюся группу наземных тварей. Магазин был пуст, он это знал. Но это больше не имело значения. Он выстрелил.

Из ствола вырвался луч концентрированной синей энергии. Он прошел сквозь двух гиен, не оставив от них ничего, кроме пепла и двух пар обугленных клешней. Оружие эволюционировало на глазах. Первое правило нового мира действовало безжалостно: бой давал силу, система поощряла насилие.

— Видите?! — крикнул Призрак, и в его всегда холодном голосе впервые прозвучал оттенок чего-то вроде восторга. — Она дает силу! В бою! В настоящем бою, а не в этой возне с ножами!

Отряд, воодушевленный его успехом, поднажал. Илья поднял пулемет и выпустил последние пули в направлении монстров. Пули, еще обычные, свистели, снося хитин и плоть. Трое монстров рухнули, отдача дико трянула тело Ильи, пулемет, словно ожив, швырнул своего хозяина на землю. К упавшему сразу бросилось несколько монстров. Жвалы и челюсти сомкнулись и на лесом раздался крик боли. Так, что он два устоял на ногах.

— Прикройте меня! — закричал Док, отшвыривая пистолет и кидаясь к товарищу. — Ястреб, прикрытие! Иначе Тарану крышка!

Монстры, почуяв слабину, сомкнулись вокруг них плотнее. Команда сомкнула круг, отбиваясь уже на чистом отчаянии. Дариан рубил прикладом и бил кулаками в бронеперчатках, Лана крутилась, как вихрь, ее ножи мелькали, оставляя глубокие раны. Сергей ломал хитин могучими ударами своей шипованной дубинки. Тим швырял в толпу тварей самодельные «коктейли» — смесь горючего из зажигалок и той самой кислоты, что капала с жвал гиен. Вспыхивали сине-зеленые костры. Рита, пригнувшись, поймала в наушниках рации четкий, но искаженный обрывок чужого голоса: «Горнило принимает... эволюция через жертву... первая жертва рождает первый Дар...». Дариан и остальные сумели оттеснить гиен от упавшего Ильи, которому Док уже помогал подняться на ноги. Среди отряда не было только Призрака.

А Призрак стал эпицентром бури. Его винтовка теперь стреляла почти бесконечно — тихие свисты сопровождали синие лучи, рассекающие полумрак. Каждый выстрел находил свою цель. Летящие гарпии падали, как подкошенные, наземные гиены корчились и рассыпались в пепел. Он смеялся — негромко, но с тем самым рациональным, леденящим триумфом, который бесил Дариана больше всего.

— Вы все еще цепляетесь за старое! — орал он, не отрываясь от прицела. — Смотрите! Система дает силу тем, кто готов брать! Бой — единственный ключ! Жалеть патроны? Жалеть себя? Это путь в могилу!

— Нам нужно отступить! — заорал Док, осматривая раны Ильи. — Я не смогу ему помочь здесь!

Дариан хотел закричать, приказать Призраку замолчать, но предчувствие толкнуло его в спину, почти физически: «Укрытие. Сто метров. Беги. Сейчас». Монстры редели под лучами Призрака, но Илья угасал с каждой секундой.

Док, не обращая внимания на летящую вокруг кислоту и когти, работал над Ильей. Он растегнул бронезилет, разрезал пропитанную кровью ткань. Рана была ужасна. Вокруг рваной раны оставленной зубами тварей копошились полупрозрачные червеобразные нити, впившиеся в мышцы и, кажется, в кость. Они дергались, питаясь плотью и кровью. Руки Дока не дрожали, он выхватил из аптечки пинцет с длинными губками и начал выковыривать паразитов. Каждый, будучи извлеченным, испускал тонкий писк и растворялся в воздухе. Антисептик, которым он заливал рану, шипел и пенился, вступая в реакцию с остатками чужеродной материи.

— Держись, брат, — бормотал Док, и в его голосе звучала не только профессиональная концентрация, но и глубокая, личная боль. — Держись. Не дай этой штуке себя сожрать.

«Спасать всех или по уставу?» — пронеслось у него в голове. Но здесь, на Арене, устав был бесполезным клочком бумаги. Здесь выживал тот, кто спасал своих.

— Прямо по курсу! — крикнул Дариан, указывая рукой вперед, сквозь последнюю стену аномальных деревьев. Там, в основании скалы, чернел провал, завешанный густыми, похожими на щупальца лианами.

Отряд, привыкший безоговорочно доверять своему командиру рванулся в указанном направлении.

— Призрак, прикрытие! Все остальные — к укрытию, бегом! — скомандовал Дариан, хватая Илью за бронежилет и помогая Доку поднять товарища.

Отряд рванул к скале, продираясь сквозь чащу. Призрак остался сзади, его винтовка, казалось, изрыгала саму смерть. Он косил последних тварей, его лицо было искажено эйфорией. Человечность, и без того тонкая в нем, таяла в глазах, заменяясь холодным, расчетливым восторгом от власти, которую давало оружие.

Они ввалились в пещеру — сырую, пропахшую плесенью и камнем, но просторную и, что важнее, защищенную. Монстры, оставшиеся снаружи, не полезли внутрь, будто боялись темноты или этого места. Призрак влетел последним, развернулся и выстрелил в основание входа. Синий луч заставил свод обрушиться, наглухо запечатав проход.

Внутри, в крошечной тьме, нарушаемой только слабым свечением мха на стенах и теперь — пульсирующей винтовкой Призрака, отряд рухнул на каменный пол. Дыхание у всех сбилось, руки тряслись от адреналина и усталости. Док немедленно вернулся к Илье, доставая фонарик, который, к счастью, еще работал, хотя и светил впосилы. Он продолжил свою кропотливую, ужасную работу: вычищал рану, вводил стимуляторы, зашивал разорванные ткани специальной серебряной нитью из своего набора — странно, но этот материал не ржавел и не деградировал. Илья бредил, его слова были обрывками кошмара и прозрения: «Щит... я щит... должен держать... эйфория... оружие Арены зовет...».

Дариан опустил на корточки, прислонившись к холодной стене, и окинул взглядом своих людей. Предчувствие утихло, оставив после себя глухую, но ясную тревогу.

— Отчеты, — хрипло сказал он, и его голос прозвучал громко в каменном мешке. — Шум?

Рита, трясла рацию, как будто это могло им как-то помочь.

— Помехи стали... другими. Не просто белый шум. Я ловлю «лишние» частоты, которых не должно быть в нашем диапазоне. Голоса, иногда людские, на разных языках, иногда на чем-то... нечеловеческом. Повторяют: «Эволюция через бой. Дар за жертву. Первая кровь открывает путь». И... координаты. Цифры. Похоже на указание к точке. Насколько я разобрала в двух километрах к северо-востоку.

— Сапер?

Тим сидел, разложив перед собой остатки своего снаряжения. Он ковырял отверткой в обгоревшем детекторе.

— Вся техника рассыпается. Батареи тают, как лед на сковороде. Но... смотрите. — Он осторожно поднял одну из своих осколочных гранат. Корпус ее, прежде зеленый и матовый, теперь был покрыт тонкой сеткой вросшего в металл хитина, того самого, что был у гиен. Граната светилась тусклым синим светом изнутри. — Свойства монстров, их материалы, они могут впитываться в наше железо, меняя его. Нужно не просто экономить, нужно адаптировать. Быстро.

— Лиса?

Лана, вытирая тряпкой кислотные брызги с ножей, кивнула.

— Разведка по периметру пещеры чиста. Никаких ходов глубже, тупик. Снаружи твари не лезут, но и не уходят. Ожидают. Насчет фракций... Прагматизм говорит: в одиночку мы долго не протянем. Сигналы Шум подтверждают — есть другие. «Ковен» Элины, о котором шептались на Базе. Они не просто выживают, они торгуют эволюцией, знаниями о системе. Может, стоит подумать о контакте? Ради обмена. Командир, я уверена, что мы не единственный отряд в этом месте. Это место, этот мир — тут должны быть еще люди. Кто-то выживает в одиночку, но людям свойственно объединяться в союзы. Думаю, мы сможем обнаружить тех, кто выжил и может поделиться информацией.

Сергей, перевязывающий окровавленную руку, сплюнул в сторону.

— Это все позже. — Крест посмотрел на Дариана. — Приказ выполнен, командир. Укрытие заняли. Но Призрак нарушил распоряжение в самом его основании. Дисциплина — это стержень. Без нее мы станем стаей животных. Что с ним будем делать?

Все взгляды, как по команде, устремились на снайпера. Тот стоял у входа, прислонившись к стене, и почти с нежностью чистил тряпкой свою светящуюся винтовку. Оружие больше не походило на творение рук человеческих — это был артефакт, живой и требовательный, не нуждающийся в патронах, питающийся, казалось, самой волей владельца.

— Нарушил? — Призрак усмехнулся, не поднимая глаз от винтовки. — Я спас нас. Пока вы цеплялись за отжившие тактики, я принял правила нового мира. Система дает силу в бою. Настоящем, яростном, без оглядки. Вы стреляете кусками свинца, я эволюционирую. Хотите выжить? Хотите стать сильнее? Перестаньте ныть о дисциплине и патронах. Бейтесь. Убивайте. И сила придет.

В его словах была страшная, неопровержимая логика Арены. Дариан ощущал, как эта логика точит его собственную решимость. Он встал, и предчувствие снова кольнуло его. Внутренний антагонист — голос холодной целесообразности, который олицетворял Призрак, — искушал его. «Будь инструментом системы, стань сильнее, выживи любой ценой». Но другая часть, та, что помнила лица погибших на учениях товарищей, шептала: «Будь свободным. Веди своих. Спасай, а не используй».

— Выслушайте меня, — сказал Дариан, и его голос прозвучал твердо, заглушив внутренний спор. — Первое: экономим все, что еще не сломалось. Патроны, взрывчатку, энергию. Рукопашный бой, подручные средства — наш приоритет до последнего. Второе: оружие эволюционирует. Это факт. Используем это. Но не бездумно. Не теряя головы. Мы контролируем процесс, а не он нас. Третье: Илья выживет. Док, это не просьба, это приказ. Ты сделаешь все, что в твоих силах и за их пределами.

Док кивнул, но в его усталых глазах читалось понимание страшной правды: спасти всех здесь было невозможно. Рано или поздно придется выбирать.

В этот момент Рита вздрогнула.

— Командир! Новый сигнал, четкий! — Она увеличила громкость, и из рации, сквозь шипение, пробился неестественно ровный голос: «Арена зовет. Арена времени ждет первой жертвы и первого Дара. Путь отмечен. Цена осознана».

Воцарилась тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием Ильи и тихим гудением винтовки Призрака.

Они сидели в полумраке пещеры, пытаясь восстановить силы, которые уходили не только на бой, но и на постоянное давление чужеродного мира. Дариан смотрел на Илью — всегда несокрушимый силовой костяк отряда, теперь лежащий беспомощно.

Предчувствие, теперь тихое, как шепот, прошелестело в его сознании: «Есть направление. Два километра. Там не ответы. Там выбор. Или новая, более хитрая ловушка».

Дариан прислонился к шершавой стене пещеры, закрыв глаза. За веками плясали светящиеся пятна — отблески синих лучей и кислотных вспышек. Дар пульсировал в его висках не болью, а навязчивым, чужим присутствием. Предчувствие — это был не просто инстинкт выживания, не тренированная интуиция разведчика. Это был прямой канал, насильно вживленный в его мозг, и по нему лился тихий, безостановочный шепот самой системы Арены: «Выбери путь. Долг или свобода? Сила в подчинении. Выживание в принятии». Он ненавидел этот шепот.

— Командир, — тихо сказала Лана, опускаясь рядом на корточки. В свете яркого фонарика Дока ее лицо казалось изможденным, но глаза — те самые хитрые, дипломатичные глаза переговорщика — были живыми и анализирующими. Она изучала его не как подчиненная — командира, а как союзник, оценивающий лидера во время кризиса. — Призрак... отвратите-

лен, но в чем-то он прав. Хотя бы отчасти. Сила здесь в адаптации. Не в слепом следовании старым схемам.

Дариан медленно покачал головой, не открывая глаз.

— Я знаю, Лиса. Так или иначе, но нам придется адаптироваться, эволюционировать. Как минимум, для того, чтобы вернуться домой.

Девушка кивнула, как всегда безоговорочно веря своему командиру.

Дариан молчал. Отряд старался восстановить силы во время передышки. Каждый понимал, что отдых будет недолгим.

Глава 8. Тактика выживания

Долго оставаться на месте отряду не пришлось. Призрак первым заметил шевеление валунов в завале. Монстры методично прорывались внутрь.

Дариан приказал отступать вглубь пещеры. Док и Тим поддерживали шатающегося Илью. Силач сейчас был слабее котенка и с трудом держался на ногах.

Естественно в недрах пещеры их не ожидала легкая прогулка. Местные обитатели, встретили гостей яростью, жадой крови и сотнями зубов и когтей. Прорываться приходилось с боем.

— Второй уступ, за камнями! — хрипло скомандовал Дариан, его голос, обычно твердый и властный, теперь резал тишину, наступавшую между волнами атак, как тупой нож. — Крест, Рита, огневая точка. Призрак, фланг. Остальные — вглубь! Док, как Илья?

Макс, бросив взгляд на рану Ильи, мрачно покачал головой:

— Кровотечение замедлил, но рана слишком серьезная. Шок, потеря крови. Ему нужно стационарное переливание и антибиотики, которых у нас нет. Он продержится, но... недолго.

Они превратили движение в методичную мясорубку. Использовали каждый выступ, каждую трещину, каждый неровный камень. Сергей и Рита, слившись с каменными глыбами, поливали узкий проход свинцом, выкашивая ряды верещащих тварей — существ с слишком многими суставами и слишком острыми зубами. Призрак исчезал в боковых ответвлениях, и его выстрелы раздавались со спины у наступающей орды, сея хаос — точные, хладнокровные, каждый в глазницу или в основание черепа. Но монстры не унимались. Их было слишком много. Бесконечно много, словно сама Арена выплевывала их из своих каменных недр.

Раненый Илья, которого на себе несли Док и Тим, бредил, его лицо было мертвенно-бледным.

— Мама... — прошептал он невнятно. — Я не хотел... в сарае...

Тим, стиснув зубы, удерживая друга, его пальцы дрожали от усталости и напряжения.

— Держись, браток, — бормотал он, — держись, черт возьми. Мы же с тобой в футбол еще не доиграли... Помнишь, в части?

— Дариан, — раздался встревоженный голос Ланы. — Они обходят. Слышите? Скребут сверху. Не только спереди.

Дариан слышал. Скребуший, дробящий камень звук над сводом тоннеля, словно гигантские кроты прорывали ходы прямо над их головами. Окружение. Мышеловка захлопывалась, и они были почти что в ее сердцевине. В горле встал ком. Предчувствие, его проклятый Дар, билось в висках тупой болью, крича об опасности, но не предлагая выхода. Только страх. Всепоглощающий страх за этих людей, за своих людей.

— Лана. — Он повернулся к ней, и в его глазах, уставших и запавших, горела холодная решимость, выкованная из отчаяния. — Нужен путь. Иди. Разведка. Быстро и тихо. Нам нужен выход, а не последний бой. Если ничего нет... возвращайся. Мы будем прорываться вместе.

Девушка кивнула, без лишних слов растворившись в темноте впереди, ее гибкая фигура слилась с тенями, будто ее и не было. Минуты тянулись, как расплавленное стекло, медленно и болезненно. Каждый выстрел, каждый крик, каждый стон Ильи отдавался в висках тяжелым гулом. Припасы таяли на глазах. Крест сменил предпоследний магазин. Рита докладывала шепотом:

— В эфире только помехи и ... не пойму, что-то похожее на шепот, но слов не разобрать.

Лана вернулась, вынырнув из мрака, едва переводя дух, но глаза ее горели не от страха, а от странного, почти мистического изумления.

— Тоннель расширяется. Метров через двести. Огромная пещера. Размером с... с ангар. И там... там есть руины. Каменные, древние. Не похожие ни на что, что мне доводилось видеть раньше или встречать в архивах.

Руины. Укрытие. Позиция. Возможность.

— Внимание! — крикнул Дариан, и в его голосе впервые за много часов прорвалась живая нота. — Отход к большой пещере! Призрак, ты — арьергард. Задержи их любой ценой! Сапер, Док, на вас Таран! Крест, Шум, прикрываем отход! Лиса, води нас!

Они рванули, подхватив Илью, чье тело стало невыносимо тяжелым. За спиной грохот преследования нарастал, сливаясь в единый животный рев, звук тысяч глоток, жаждущих их плоти. И тут в узкую часть тоннеля, которую они только что покинули, ворвалась новая волна. Не тварей, а чего-то большего, массивного, ломающего стены — темный, бугристый силуэт, от которого дрожала земля.

Марко, отступая последним, оценил ситуацию холодным, бездушным взглядом. Он резко развернулся, и вместо бегущих монстров его выстрелы ударили в потолок и стены узкого прохода, в заранее отмеченные им точки напряжения. Залп, другой — и свод с грохотом рухнул, заваливая тоннель тоннами камня и пыли. Взрывная волна швырнула отряд вперед, в уже расширяющийся проход. Камни сыпались им на головы, один угодил Дариану в плечо, заставив крикнуть от боли.

И в этот момент случилось нечто.

Илья, которого только что волокли, вдруг вскрикнул. Его тело выпрямилось, вырвалось из рук Макса и Тима с силой, которой у умирающего быть не могло. Он встал на ноги, шатаясь, но стоя. Сквозь разорванную одежду, сквозь кожу пробился странный, мерцающий свет. Не теплый, как пламя, и не холодный, как сталь. Энергия клубилась вокруг него, как сияющий туман, заставляя дрожать мелкие камни под ногами и отбрасывая на стены танцующие тени. Воздух затрепетал, нагрелся. От Ильи исходили волны жара, как от раскаленного куска металла.

— Илья?! — Дариан сделал шаг к нему, рука инстинктивно потянулась к пистолету, не из страха, а из растерянности. — Что с тобой?

Илья повернул голову. Его глаза, обычно добрые и немного растерянные, теперь сияли тем же неземным светом. В них не было боли. Была тихая, страшная ясность, понимание, которое, казалось, стоило ему последних сил.

— Я... я понял, — его голос звучал эхом, наложенным на шепот самой пещеры, будто говорили не только его губы, но и камни вокруг. — Я могу. Я сумею вас прикрыть. Бегите. В пещеру.

— Что ты несешь?! Иди с нами! — Дариан бросился к нему, забыв о приказе, о тактике, о всем, кроме этого парня, которого он привел на смерть.

Но Илья лишь взмахнул рукой — небрежно, почти нежно.

Невидимый импульс, мягкий, но неодолимый, как удар волны, без усилий отбросил Дариана на десять метров вглубь тоннеля, к остальным. Они замерли в ужасе, не в силах пошевелиться. Тим ахнул. Лана вскрикнула. Док прошептал:

— Господи...

— Прости, командир, — тихо сказал Илья, обращаясь не к ним, а к рвущейся сквозь завал орде, к тому массивному существу, которое уже начало разгребать камни. Свет вокруг него вспыхнул с ослепительной силой, превратив его в живой маяк, в магнит для всей ярости Арены. Он стал не человеком, а явлением, факелом, зажженным изнутри. — Скажи моей маме... что я не прятался.

Он пошел навстречу монстрам. Не с оружием. С распростертыми руками, будто собирался обнять эту тьму. Камни, продолжавшие падать со свода, отскакивали от сияющего кокона, но с каждым ударом свет мерк, тускнел, а Илья шагал все медленнее. Когти, зубы, тупая

масса тел — все обрушилось на него. Ни вскрика, ни стога. Он стоял. Стоял, как утес, пока волна чудовищ не накрыла его с головой, пока новый, чудовищный обвал, вызванный его собственной взрывающейся изнутри энергией и яростью тварей, не рухнул, окончательно запечатывая проход между отрядом и адом грохотом, который, казалось, сотрясал мир до основания.

Тишина.

Глухая, давящая, полная пыли и смерти, опустилась, как саван. Пыль медленно оседала, не оставляя ничего, кроме груды свежих, непроходимых обломков.

Последнее, что увидел Дариан перед тем, как каменная стена окончательно скрыла поле боя, — это вспышку, ярче всех предыдущих, ослепительно-белую, на миг высветившую до мельчайших деталей весь тоннель, искаженные лица тварей и... силуэт Ильи, уже не человека, а чистого света. И на миг ему показалось, что он слышит тихий, освобожденный вздох, смешанный с далеким, печальным звоном, словно разбилось огромное хрустальное стекло.

Они стояли среди руин, как моряки, выброшенные волной на чужой, забытый берег. Огромная пещера уходила ввысь и вширь, теряясь в темноте так, что лучи их фонарей не достигали потолка. Воздух здесь был другим — сухим, неподвижным, пахнущим не кровью и порохом, а пылью веков и озоном, как после грозы. Искусственные, явно обработанные человеком (или тем, что когда-то было человеком) камни образовывали странные, нелогичные структуры: платформы, уходящие в никуда; полукруглые стены без крыш; обрушенные арки, напоминавшие гигантские ребра скелета; наклонные плоскости, покрытые стертыми временем барельефами, на которых угадывались спирали, круги и фигуры, лишенные привычных пропорций. В центре пещеры возвышался странный обелиск из черного, поглощающего свет камня, покрытый мерцающими, как слабые звезды, прожилками. Это было место силы, древнее и забытое. И безопасное. На сейчас. Тишина здесь была абсолютной, мертвой, давящей своей завершенностью.

Но никто не смотрел на руины.

Лана опустилась на колени, уставившись в каменный пол, усыпанный мелкой крошкой. Ее плечи вздрагивали от беззвучных, давящих рыданий, от которых сжималось горло. Тим сдавливал голову руками, его тело содрогалось, он бился лбом о колено, бормоча что-то невнятное: проклятия, мольбы, имена.

Дариан прислонился к холодному шершавому камню странной стены и смотрел в темноту, на ту сторону, где проход был завален. В его ушах, оглушенных взрывами, все еще звучал тот последний вздох. В глазах стоял тот ослепительный свет, выжигающий все остальное. Он скомандовал отступать. Он послал Илью на позицию у второго уступа. Он не увидел, не почувствовал, не предотвратил. Его Дар, его проклятое предчувствие, оказался бесполезен, когда речь зашла о самом важном. Оно предупреждало об опасности от тварей, но не о предательстве собственного решения. Командир. Лидер. Скептик системы. Какая ирония! Он сомневался в приказах свыше, но слепо верил в правильность своих. И привел своего человека, своего друга, на алтарь этой чертовой Арены.

«Он звал маму, — пронеслось в голове Дариана, ясно и жутко. — В бреду. Таран. Какая чушь! Я просто мясник, который ведет свое стадо на убой, прикрываясь тактикой и необходимостью».

— Ты.

Голос Ланы был тихим, но он прозвучал, как выстрел в этой мертвой тишине. Она подняла голову. Ее лицо, исцарапанное и запыленное, было мокрым от слез, но глаза, полные недетской боли и гнева, были обращены не к Дариану. К Призраку. Тот стоял в стороне, прислонившись к одной из арок, и спокойно, методично чистил ствол своей винтовки длинной ветошью, как будто только что вернулся с учебных стрельб, а не из ада. Его движения были

точными, экономичными. На его лице не было ни усталости, ни горя, ни даже напряжения. Пустота. Совершенная, ледяная пустота.

— Ты... ты стрелял в потолок, — продолжила Лана, ее голос набирал силу, почти срываясь на крик. — Ты вызвал этот первый обвал. Ты начал это! Ты спровоцировал все!

Тим вскочил вслед за Ланой, его лицо исказила первобытная ярость. Он шагнул к Призраку, сжимая кулаки.

— Она права! Он все время это говорил! «Неадаптированные слабеют. Слабость ведет к смерти. Эмоции — балласт». Это он убил Илью! Своим... своим бесчувственным, черствым расчетом! Ты видел, в каком он был состоянии! Ты знал, что завал их только разозлит! Ты подтолкнул его к этому... к этому свечению!

Призрак медленно, не торопясь, поднял взгляд от ствола. В его холодных, нечеловечески светлых глазах не было ни капли тепла, ни искры понимания. Только холодная аналитика.

— Я оценил ситуацию, — произнес он ровным, монотонным голосом, лишенным интонаций. — Шанс на организованный отход под давлением новой тяжелой единицы стремился к нулю. Вероятность полного уничтожения группы зашкаливала. Я создал физическую помеху и диверсионный фактор, перераспределив внимание противника. Илья выбрал свою роль сам. Он использовал латентный ресурс, который не контролировал и не понимал. Результат был закономерен и предсказуем. Его смерть была вероятностной константой с момента первого серьезного ранения и потери боеспособности. Мы лишь наблюдали ее реализацию.

— Константа?! — Лана чуть не бросилась на него, но ее удержал крепкий, почти болезненный захват Риты, которая молча стояла рядом, бледная, как полотно. — Он был живым человеком! Из плоти и крови! Он делился с тобой пайком, прикрывал тебя, когда ты менял позицию! Он был нашим другом!

— Здесь нет друзей, — холодно, без малейшего колебания парировал Призрак. — Здесь есть функциональные единицы с разной степенью эффективности. Он перестал быть функциональным. Его последнее действие, однако, имело тактическую ценность, позволив остальным единицам достичь относительно безопасной позиции. Это максимум полезного выхода, на который можно было надеяться в данной конфигурации.

— Он спас нам жизни! — проревел Тим, и в его крике была вся боль разорванной на части души. — Он отдал свою, чтобы мы жили! А ты называешь это «полезным выходом»? Ты... ты машина! Чудовище!

— Он компенсировал свою неэффективность в роли штурмовика неожиданной эффективностью в роли диверсионного заряда, — продолжал Марко, словно не слыша крика. — Ничего более. Сентиментальность не вернет его и не повысит наши шансы на выживание. Она их понижает.

Тишина, наступившая после этих слов, была страшнее любого взрыва, любого рева тварей. Она была пустотой, в которой тонули последние остатки чего-то общего, что связывало их когда-то.

— Он... не совсем неправ, — тихо, глядя куда-то в сторону, в темный угол пещеры, сказал Крест. Он стоял, сложив руки на груди, его лицо, обычно строгое и подтянутое, теперь было просто усталым, старым. — Мы все видели, в каком Илья был состоянии. Док же сказал... здесь нельзя быть обузой. Нельзя. Но это... правда выживания. Устав... Мы не на загородной прогулке. Каждый из нас — боец, солдат. Мы живем и умираем ради эффективности, ради выполнения приказа. Мы живем по уставу, по нему и умираем.

— Какой еще устав?! — взорвался Тим, обернувшись к нему. — Какой устав приказывает считать товарища «диверсионным зарядом»? Ты его не знал! Ты вообще никого из нас не знаешь!

Крест сжал губы, его челюсть задрожала.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать, что Илья поступил так, как считал нужным! Он желал защитить друзей, и он это сделал! Каждый из нас поступил бы также, я полагаю! Не из-за устава, не по приказу, а по велению сердца!

Рита прижала Лану к себе. Она смотрела на Тима, на его полное боли и горечи лицо.

— Мы выжили, — прошептала она, и ее голос, обычно четкий и уверенный, дрожал. — Благодаря обвалу и... жертве Ильи. Эмоции сейчас — роскошь, которую мы не можем себе позволить. Надо... надо оценить позицию, проверить периметр, перевязать раны. Думать. А не чувствовать.

Лана смотрела на них — на Сергея, на Риту, на Марко — будто впервые видела. Их слова жгли её. Отряд трещал по швам, разваливаясь на два лагеря прямо у нее на глазах: тех, кто еще помнил, что они люди, со своими страхами, болью и любовью, и тех, кто уже смирился с тем, чтобы быть инструментами в руках этой безумной Арены, винтиками в машине, для которой слезы — это смазка из неподходящего материала.

И в центре этого надвигающегося шторма, этой тихой, но смертельной бури, стоял Дариан. Он смотрел на завал, за которым лежало тело его товарища. Он смотрел на своих людей, разрывающихся на части от горя и от страха, от любви и от холодного расчета. Он видел, как Док молча трясущимися руками проверял медикаменты, пытаясь засунуть свою боль в привычные действия. Видел, сжимает и разжимает кулаки, стараясь сдержать злость. Видел пустоту в глазах Призрака и мучительную внутреннюю борьбу в глазах Креста, видел полные боли глаза Ланы и Риты.

Он должен был что-то сказать. Что-то сделать. Объединить. Повести дальше. Он был их командиром.

Но слова застревали в горле, острым комом вины. Каждое возможное слово казалось фальшивым, предательским, жалкой попыткой оправдать неоправданное. «Он герой» — но он не хотел быть героем, он хотел жить. «Он спас нас» — но кто спасет их от кошмаров, в которых они будут видеть тот свет? «Держитесь» — а зачем? Чтобы умереть завтра более «эффективно»?

Он открыл рот. Воздух со свистом вошел в легкие.

— Мы... — начал он, и его собственный голос показался ему чужим, хриплым и слабым. — Мы остановимся здесь. На час. Крест, Шум, первый дозор, периметр пещеры, ищите выходы, источники воды. Сапер, Док, помогайте друг другу. Приведите в порядок снаряжение, перевязки. Лиса... — Он посмотрел на нее, и в его взгляде была не команда, а просьба, почти мольба. — Осмотри руины. Внимательно. Может, найдешь... что-то, что объяснит, где мы.

Он не сказал главного. Не осудил Марко. Не поддержал Тима. Не нашел слов скорби. Он отдал приказы. Потому что это было единственное, что он еще мог делать. Единственное, что удерживало его от того, чтобы самому рухнуть на колени и завывать от бессилия и вины.

Отряд был отлаженным механизмом, каждый член которого выполнял свою функцию идеально. Все они давно знали друг друга, не раз спасали друг другу жизни. Потеря в отряде Дариана не было очень и очень давно. Они не были готовы к потере! Он не был готов к этому!

Лана медленно поднялась, ее глаза встретились с его. В них уже не было прежнего безоговорочного доверия. Было понимание. Понимание его боли и его провала. И что-то еще — решимость, твердая, как камень этих руин.

— Поняла, — коротко сказала она и, вытерев лицо рукавом, взяла фонарь и бесшумно скользнула вглубь каменного лабиринта.

Дариан прислонился к стене. Он скользнул по ней вниз, опустил на холодный пол, прислонил голову к камню и закрыл глаза. Но за веками он снова видел тот свет. И слышал тот вздох.

«Какую цену придется заплатить за выживание завтра? Кто будет следующим?» — пронеслось в его голове, но теперь это был не риторический вопрос. Тот, кто не сумеет или не захо-

чет адаптироваться. «Все. Постепенно. По кусочку. Сначала Илья. Следом — человечность Марко. Потом — душа Сергея. Позже — вера Риты. Тим, Макс, Лана...

Ради чего? Ради того, чтобы в конце концов стать такими же, как эти твари? Или стать кем-то другим, стать чем-то другим? Идеальным инструментом системы? Тех, кто стоит за ней, тех, кто создал этот мир, мир Арены, мир предназначенный... для чего?

Он открыл глаза и уставился в темноту, на развалины в центре пещеры. Руины вокруг молчали, храня тайны тех, кто строил их и кто погиб здесь, возможно, задаваясь теми же вопросами. Дариан понял, что битва за выживание только началась. И самый страшный враг был не снаружи, а здесь, среди этих древних камней, и в сердцах тех, кто в них укрылся.

Глава 9. Встреча с Элиной

Дариан Кейн много где бывал за время службы. Много видел и многое пережил. Он видел сотни городов, десятки развалин. Все они были похожи одним — тишиной, что в них царила, словно сама жизнь бежала из развалин, из тех мест, что были разрушены человеческой или природной. Тишина таких мест была напряженной, гнетущей.

Прислонившись к обломку коло

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.